

ВЛАДИСЛАВ ПРОКОПЕНКО

МАРШЕМ ПО СНЕГУ

Владислав Прокопенко

Маршем по снегу

«Издательские решения»

Прокопенко В.

Маршем по снегу / В. Прокопенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858289-9

Политическая ситуация на Корейском полуострове близка к коллапсу. В высших эшелонах власти в Южной Корее, Японии и США плетется заговор... Бывших разведчиков не бывает — несмотря на миролюбивый характер поездки в Пхеньян, Артем Королев, в прошлом полковник Генштаба, а ныне тренер детской спортивной команды, попадает в самый эпицентр конфликта. Оказывается, что для него в этой игре поставлены на карту не только офицерская честь и судьба Родины, но и весь смысл его жизни.

ISBN 978-5-44-858289-9

© Прокопенко В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава первая	8
Глава вторая	13
Глава третья	18
Глава четвёртая	25
Глава пятая	30
Глава шестая	35
Глава седьмая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Маршем по снегу

Владислав Прокопенко

*Все события и персонажи в романе являются вымышленными,
любые совпадения случайны.*

Всем заправляют безымянные и загадочные «они».

Кто эти «они»? Не знаю. И даже сами «они» не знают.

Д. Хеллер, американский писатель

Редактор Александр Прокопенко

Дизайнер обложки П. Скляр

Корректор К. Овечкина

© Владислав Прокопенко, 2019

© П. Скляр, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4485-8289-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог (Посольство РФ в г. Пхеньян, КНДР, 7 января)

Дверь резко открылась. Сон как рукой смахнуло. Ли Дон Гон встал, сердце учащённо забилося. Нехорошее предчувствие сдавило горло, стало тяжело дышать.

В комнату вошёл временный поверенный в делах Посольства России в Северной Корее Виктор Богатёнов. Чуть скривив в усмешке рот и нервно подёргивая рыжеватые усы правой рукой, дипломат пристально посмотрел на корейца.

– Товарищ Ли! – тихим голосом произнёс Богатёнов. – Вам отказано в получении политического убежища, и вы знаете, по какой причине. Это решение Москвы, и оно окончательное. До конца дня вы будете переданы местным властям.

Временный поверенный достал из кармана носовой платок, прикрыл им нос – в комнате стоял запах давно не мытого и грязного человеческого тела, – развернулся и медленно вышел из комнаты.

– Южнокорейская собака! – зло прошептал Ли. С первой минуты их вчерашнего разговора, когда удалось проникнуть на территорию посольства, именно с первых слов, произнесённых временным поверенным на сеульском диалекте, северокореец понял, что доверять этому человеку не может. Он очень любил свою страну, был готов стать «пулей», способной поразить любого врага, защищая Великого полководца. Поэтому всё, что так или иначе было связано с Южной Кореей, было для Ли ненавистно.

«Значит, всё впустую», – устало подумал перебежчик. Ли смерти не боялся, его больше пугало то, что он не смог донести до посла России, который был в отпуске, очень важную информацию.

Чуткий слух уловил еле слышные шаги нескольких человек за дверью. Ли быстро оглянулся по сторонам. В углу комнаты была свалена старая мебель.

– Так просто я им не дамся, – принял решение кореец и выдернул из стола ножку.

Схватка была недолгой, но яростной. Прослужив более 15 лет в личной охране Руководителя, уже немолодой старший полковник Ли Дон Гон продержался несколько минут против двух крепких молодых офицеров специального подразделения «Пэкту» министерства государственной безопасности Северной Кореи. Но и им крепко досталось.

Когда в комнату зашёл руководитель группы захвата в форме майора, его сотрудники и перебежчик постепенно приходили в себя. Последний, тяжело дыша, лежал с явно переломанной рукой, которая была неестественно согнута. Старший лейтенант, схватившись за бок, сидел около двери, а второй офицер, с разбитым лицом, лежал у стены напротив перебежчика.

– Ли-тонму!¹ Ты надеялся, что тебе удастся уйти от «Пэкту»? Думал, что русские тебя встретят с распростёртыми объятиями? Ты, похоже, так и не понял, во что ввязался.

Ли Дон Гон с ненавистью взглянул на вошедшего рослого офицера с тяжёлым подбородком и сплюнул сгусток крови. Шансов остаться в живых не было. Он слышал краем уха об этом спецподразделении, которое якобы выполняло особые поручения высшего руководства страны по устранению скомпрометировавших себя партийных работников и чиновников, но не верил в это.

– Я сожалею, но у меня нет выбора, – произнёс с безразличием в голосе руководитель группы и неожиданно нанёс молниеносный смертельный удар точно по кадыку уже встававшему около двери старшему лейтенанту.

– Майор? – удивлённо глядя на него, вскрикнул второй офицер.

¹ Товарищ. (кор.) При обращении старшего к младшему по возрасту или социальному положению.

Но встать ему не удалось. Быстро выхватив из кобуры упавшего старшего лейтенанта пистолет, руководитель группы развернулся и сразу же выстрелил во второго офицера. В один прыжок он был уже около него и так же молча, взяв его табельное оружие, произвёл смертельный выстрел в голову перебежчика. Ли умер мгновенно. Смесь крови с ошметками мозговой ткани огромной кляксой расплзлась по стене, скрывая то ли знаки, то ли грязные разводы на светло-голубых обоях.

Аккуратно вытерев платком один пистолет, майор вложил его в руку мёртвому офицеру, а другой – в руку Ли Дон Гону. Внимательным взглядом он оглядел комнату и удовлетворённо улыбнулся. Приказ выполнен безупречно.

После этого майор приоткрыл дверь и рукой пригласил стоявшего в коридоре Богатёнова.

– Приношу свои извинения, товарищ временный поверенный, но при попытке вывести перебежчика из комнаты им было оказано сопротивление. Более того, он убил двух моих сотрудников, но и сам погиб. Теперь вы убедились, насколько он был психически нездоров и опасен для окружающих, – произнёс, глядя прямо в глаза Богатёнову, кореец.

Глава первая (Москва, 17 февраля, 3:20)

Не утихающая ноющая боль в правом подреберье заставила Артёма проснуться. В квартире стояла жара: коммунальщики не жалели тепла и раскалили батареи до невозможности. Тошнотворный запах перегара и резких женских духов вызвал приступ кашля. Медленно стало нарастать раздражение, ставшее уже привычным. К бессоннице добавилась ещё одна болячка – язва двенадцатиперстной кишки.

Опустив ноги на пол, он нащупал тапочки и побрёл, глухо кашляя, на кухню. В настенном шкафчике порылся среди вороха лекарственных коробочек, нашёл препарат для лечения язвы. Затем открыл бутылку минеральной воды, медленно положил в рот таблетку и стал пить. Часы на стене показывали половину четвёртого, за окном в свете фонаря были видны крупные падающие снежинки.

Вернувшись в спальню, Артём включил настольную лампу, прилёг и решил немного почитать в надежде дождаться сна.

– Опять бродишь по квартире и не даёшь выспаться. Когда же ты уймёшься? – зло проворчала жена и натянула одеяло на голову.

– А нечего было до полуночи шарахаться, – бросил в темноту Артём. Взял книгу, открыл, но тут же швырнул её обратно на прикроватный столик.

Рядом с ним лежала его жена, но это был совсем чужой человек, они давно стали безразличны друг другу.

«Кто в этом виноват? Конечно же я, больше никому, – настойчиво и уже в который раз билась мысль в голове у Артёма. – Всё время был одержим работой, мало уделял внимания жене. Да будь она проклята, эта работа!» Кому нужна была его аналитика? Тем, кто разрушил идеалы воинской службы и понятие офицерской чести? Но, с другой стороны, ведь благодаря его работе они с женой оказались в Москве! И не его вина, что Светлана не хотела рожать, а посвятила себя карьере, как и он сам.

«А дети?.. Где они? Да нет их и уже не будет... – обречённо вздохнул Артём. – О Боже! И почему мне досталась такая участь? Зачем мне жизнь в этих пятикомнатных хоромах на Кутузовском проспекте? Как всё надоело...» – засыпая, подумал бывший полковник Генерального штаба.

Резко зазвонил будильник. Жена завозилась, потянулась и, громко зевнув, встала.

– Нельзя тихо встать и уйти? – пробормотал сонно Артём.

– Я у себя дома, что хочу, то и делаю. И не надо мне давать указаний, не в армии, – безразлично посмотрев на него, произнесла жена.

– Ну и стерва же ты, Светка!

– Достал ты меня!

Со злостью хлопнув дверью, жена вышла из комнаты. Артём полежал ещё минут тридцать и встал. Состояние было ужасное, делать ничего не хотелось. Но вставать надо было, в 10:15 его ждал психотерапевт.

Светлана уже позавтракала и одевалась.

– Что? Опять сегодня переговоры до полуночи? Ты хоть иногда появляйся в доме в приличное для замужней дамы время. Хотя что с тебя взять, – иронично произнёс Артём.

– Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала. Лучше бы работу искал. Сидишь после увольнения на моей шее да погонять пытаешься. То тебе к психотерапевту надо, то к гастроэнтерологу... Либо валяешься целыми днями на диване и тупо в потолок смотришь, либо рычишь,

как зверь, и бросаешься на людей. А вообще-то в дурку тебе надо. Там таким контуженным, как ты, все проблемы быстро помогают решить.

Артём молча смотрел на жену, злость нарастала, постепенно переходя в ярость. Это уже было далеко не первый подобный разговор на повышенных тонах. Но в этот раз кризис, видимо, достиг высшей точки.

– Слушай меня внимательно. Либо ты немедленно извинишься, либо..., – его глаза потемнели.

– Либо что? Убьёшь меня? Ведь тебя этому учили? – усмехнувшись, произнесла Светлана.

– Не бойся, солдат ребёнка не обидит, а офицер тем более. А с такой стервой, как ты, жить вместе дальше нет больше никакой возможности!

– Ну и проваливай в свою однокомнатную дыру в Орехово-Борисове. Хоть дышать станет легче, – стремясь уязвить мужа, выкрикнула женщина. – Чтобы к моему возвращению тебя в моей квартире не было, – добавила уже властно жена, сделав ударение на «моей квартире», и вышла из дома.

«Вот и всё, как говорится, с глаз долой – из сердца вон», – с нахлынувшим вдруг безразличием подумал Артём.

Через час, отдав ключи консьержке, отставной полковник загрузил вещи в старенькую «дэу» узбекской сборки.

Чувство одиночества, приходившее к нему в последнее время всё чаще, вновь охватило его. В голове была пустота, мысли вяло вертелись вокруг ссоры с женой.

Артём завёл машину и стал выезжать из-под арки старого, ещё сталинской постройки, здания на Кутузовский проспект.

Неожиданный толчок сзади и скрежет заставили прийти в себя.

«Чёрт! – выругался про себя Артём. – Похоже, наехал при повороте на фонарный столб задним бампером. Ну что за невезуха! Отлично день начинается...»

Выйдя из машины, он увидел, что заднее колесо застряло у основания фонарного столба, причём одному справиться с авто не получится. Полковник стал искать глазами среди прохожих того, кто смог бы помочь. Через какое-то время помощь пришла от двух парней, которые минут пять как стояли и наблюдали за ним, о чём-то перешёптываясь. Вид у них был странный, у одного, с прыщавым лицом, взгляд был мутный, как после перепоя. Второй, рослый, выглядел более-менее вменяемым.

– Ну что, дядя! Помочь тебе? Давай посмотрим, сильно застряла машина или нет, – подходя, произнёс рослый парень. Наклонившись, они вдвоём стали смотреть, не повреждена ли подвеска.

Вдруг Артём почувствовал, что происходит что-то не то. И точно, из-за спины парня, с которым рассматривал подвеску, он увидел, как его напарник быстро открыл переднюю дверь, схватил портфель и бросился бежать в арку, откуда недавно выехал на машине полковник. Артём хотел привстать, но в него вцепился ранее предложивший свои услуги юноша.

– Аааа! Подонки! – вскрикнул полковник и еле уловимым движением нанёс удар в горло противника. Тело парня обмякло, и он разжал руки. Что-что, а в критической ситуации Артём пока ещё мог реагировать достаточно быстро. Его обуяла ярость от наглости, с какой барсеточки провернули своё дело. Тем более в портфеле был ноутбук с важной для полковника информацией и, самое главное, дорогой его сердцу молитвослов – подарок отца Иннокентия.

Из двора был ещё один выход на перпендикулярный Кутузовскому проспекту проезд, остальные проходы были заблокированы шлагбаумами. Когда Артём подбежал к выходу, из арки как раз выходил второй парень. Полковник схватил его за грудки и гневно прохрипел:

– Где мой портфель?

– Ты что, дядя, какой портфель? – произнёс прыщавый и, вырвавшись из рук, отпрыгнул к стене. В руке у него Артём увидел кусок арматуры.

– Тебе конец, дядя! – взвизгнул парень и попытался нанести рубящий удар. Тренированное тело полковника сработало автоматически. Уклонившись от арматуры и взяв на излом руку противника, Артём её просто... сломал. Прыщавый страшно заорал от боли, и в этот момент сзади завизжали тормоза. Полковник обернулся и увидел, как из остановившейся милицейской машины выскочили два служивых с автоматами.

– Стоять! Лицом к стене! – рявкнул сержант.

– Товарищ милиционер! Он на меня напал и хотел ограбить, – плачущим голосом завопил прыщавый, – и руку сломал.

– В отделении разберёмся. Сергей! Этого в машину, – указав на Артёма, отдал распоряжение сержант второму милиционеру, – а потерпевшему будем вызывать скорую помощь.

Через час Артём сидел в дежурной части местного отделения милиции в комнате для временно задержанных. Все его попытки объяснить, что потерпевший он, а прыщавый со своим другом украли у него портфель, ни к чему не приводили. Дежурный старший лейтенант, как заведённый, отвечал, что придёт дознаватель и всё расставит по своим местам. А когда этот дознаватель появится, неизвестно, поскольку он на выезде.

Складывающаяся ситуация уже стала тяготить Артёма: автомобиль с вещами брошен, портфель пропал, дознавателя, видимо, сегодня уже не будет, а сидеть в клетке до утра полковника не прельщало.

– Старлей! Подойди, дело есть, – решил Артём.

– Ну, какое дело?

– Мне позвонить надо, чтобы машину с улицы забрали.

– Дознаватель придёт, его и будешь просить.

– Слушай, подойди поближе, – тихо попросил полковник. – У меня в бумажнике, как ты знаешь, где-то тысяч восемь. Возьми себе красную бумажку, а мелочь оставь мне. Пойми, один звонок только.

Время подходило уже к обеду, и многие сотрудники разошлись. В отделении стояла тишина.

– Хорошо! – громко произнёс старлей. – В туалет свожу, так и быть.

Около туалета он протянул телефон: «Один звонок, и быстро!» Артём набрал номер своего бывшего начальника по прежней службе и давнего друга Кондратьева Вячеслава Викторовича.

– Викторovich! Привет! У меня проблема одна возникла, машину на Кутузовском надо забрать... Где я? Да в местном отделении милиции... Сам разберусь... Ладно, пока.

– Держи телефон, теперь можно и покемарить немного, – сказал Артём и вернулся за решётку. – Хотя вряд ли здесь уснёшь. Вон привели двух пьяниц. Они концерт решили устроить, орут и орут. Только голова стала раскалываться.

Постепенно полковник ушёл в себя, и перед ним вновь всплыли события прошедшего года и его неожиданное увольнение из армии.

Проводимые бывшим директором мясного комбината, а ныне министром обороны не объяснимые для здравого смысла реформы, непрерывные оргштатные изменения, а точ-

нее, бездумные и немотивированные сокращения, встретили противодействие и неприятие в армии, заставили уйти по собственному желанию многих грамотных и опытных офицеров и генералов Генерального штаба. Не стал исключением и Артём.

Руководимый им аналитический отдел давал нагора уникальную прогностическую оценку развития ситуации в Северо-Восточной Азии. Сокращение штатов, наконец, коснулось и его подразделения. На беду, добавилась не объяснимая для полковника болезнь. Хотя и болезнью назвать его состояние было сложно. Работая последние годы на пределе физических возможностей, Артём стал замечать за собой появление не проходящего даже после отпуска чувства усталости. Непрерывный поток зачастую противоречивых указаний начальника Генштаба и министра обороны вызывали отторжение. Претило ему явное хамство и постоянное унижение офицеров Генштаба со стороны «обвальщика». Ощущение ненужности постепенно перерастало в безразличное отношение к службе. Введённые министром денежные награды для «отличившихся» офицеров нанесли серьёзный удар по единству офицерского корпуса и самому понятию служения Отечеству. Было больно и стыдно. Да и коллеги стали обращать внимание на участвовавшие случаи проявления у Артёма раздражительности и агрессивности. В итоге всё свелось к увольнению, к тому же ещё и со скандалом.

Как сейчас он помнит тот злополучный день, когда ровно в 9 часов утра в дверь его кабинета кто-то постучал и, просунув голову, тихо произнёс: «Можно войти?»

– Можно китайца за яйца, мышку вприпрыжку или кобылу с разбегу, а всё остальное разреши-те! Ясно? – неожиданно для себя со злостью произнёс полковник. Любой день в Генштабе начинается с хорошей кружки крепкого чая. Это святое! А здесь налицо явная попытка нарушить устоявшиеся традиции.

Дверь закрылась, и Артём услышал лишь удаляющиеся шаги.

Через пять минут в кабинет ворвался разъярённый начальник управления генерал-лейтенант Кондратьев Вячеслав Викторович.

– Ты что себе позволяешь, Королёв? Ведь это представитель Департамента по оптимизации, созданного по личному указанию министра! Это его человек... – уже тише произнёс генерал.

– Заходите, Игорь Васильевич! – крикнул в коридор Кондратьев. – Похоже, наш офицер допустил бестактность, просто вторую неделю без выходных его отдел работает. Вы уж его извините! А теперь для вас, товарищ полковник. Задачей представителя Департамента оптимизации является оказание нам помощи в повышении эффективности работы. Надеюсь, всё ясно?

Молодой человек, лет двадцати пяти, вошёл и, не говоря ни слова, сел на стул в углу кабинета. Так продолжалось целую неделю. Спецпредставитель каждое утро ровно в 9 часов заходил, садился и... хронометрировал по только ему известному алгоритму занятость полковника. Но как можно хронометрировать творческий процесс? Ведь аналитическая работа – это как поэму писать или ваять скульптуру, отбрасывая всё лишнее. И когда эта «серая мышь» заявила о нерентабельности отдела, Артём молча взял его за воротник, приоткрыл дверь и выкинул из кабинета с глаз долой. На беду по коридору в этот момент куда-то шли две «амазонки обвальщика». Громко матерившийся наблюдатель упал прямо им под ноги. При этом одна девица как-то неаккуратно упала на спину, высоко подняв ноги с туфлями на высокой шпильке и обнажив тощие ноги. В коридоре, где даже генералы разговаривают обычно шёпотом, гоме-рический хохот стоял не один день.

Через час его вызвал к себе начальник управления Кондратьев. Королёв, не дав сказать генералу даже слова, молча вручил рапорт об увольнении, где не преминул на всякий случай указать, что причиной инцидента стали последствия контузии, полученной им в Афганистане.

Самое интересное началось во время прохождения военно-врачебной комиссии. Артём и не знал, что у него так много болячек. Особенно долго и неоднократно пришлось общаться

с психотерапевтом. Эти постоянные и повторяющиеся вопросы о семейных взаимоотношениях, что любит он есть, достаточно ли денег зарабатывает, как спит, отдыхает, воспоминания о детстве и так далее.

В итоге на заседании военно-врачебной комиссии был вынесен вердикт: прогрессирующий синдром эмоционального выгорания и сопутствующие ему всякие осложнения. Уже потом, когда полковник прощался с сослуживцами, Кондратьев намекнул, что поставленный врачами диагноз практически спас Артёма от более сурового наказания. Якобы девицы «обвальщика» и управление кадров требовали крови, вопрос мог бы встать даже о лишении его офицерского звания. Похоже, Викторovich снова помог ему в этой жизни.

Где-то хлопнула входная дверь. Артём вскинул голову, посмотрел на часы – был уже конец рабочего дня.

– Старший лейтенант! – услышал полковник голос Кондратьева. – Давай сюда Королёва! Надеюсь, тебе уже позвонил начальник отдела?

– Так точно, товарищ генерал-лейтенант. Выпускаю задержанного. Через минут десять полковник уже сидел в машине друга.

– Всё нормально, Артём? Правильно сделал, что позвонил. Пришлось ускорить процесс рассмотрения твоего дела. Те два парня оказались наркоманами со стажем и неоднократно привлекались за воровство. Машину твою ребята отвезли на сервис, через пару деньков её заберёшь. Да и портфель твой участковый нашёл, спрятал его нарик за мусорным баком во дворе. Вот такие, брат, дела. Куда тебя подбросить? На Кутузовский?

– Викторovich! Спасибо тебе, конечно. Рад тебя видеть... Расстались мы со Светой. Я как раз собирался ехать к себе в Орехово-Борисово, – устало произнёс Артём и угрюмо посмотрел в окно на ярко освещённый Кутузовский проспект.

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, – пробормотал Кондратьев. – Ладно, не отчаивайся, и не в таких переплётах бывали. Сегодня у меня важные дела, но на днях я за тобой заеду и посидим где-нибудь. Добро? Главное, не раскисай! Я пешком до метро, водитель отвезёт тебя. Пока. На связи.

Машина развернулась и помчалась на юг.

Глава вторая (Токио, 17 февраля, 10:15)

Накануне поздно вечером выпал первый снег в этом году. Крыши домов, окружающих американское посольство в Токио, выглядели непривычно белыми, а медленно сползающий с них влажный снег большими лепёшками падал на тротуар, образуя жидкую кашу.

Полицейский, стоявший перед воротами дипмиссии, уже надел на тёмно-синюю фуражку целлофановый пакет на случай повторного снегопада и теперь с большим интересом наблюдал за двумя гейшами, которые пытались совместить невозможное: пройти по снежной каше и не замочить ноги. Квартал Акасака, где находилось посольство США, был и районом гейш, одним из престижных в Токио «ханамати»², районом цветов.

Необычно для глаз смотрелся и посольский сад. Припорошённые снегом вечнозелёные кустарники и деревья удивительным образом гармонировали с солнечными бликами больших оконных витражей дипломатического представительства.

Вышедшая в сопровождении охраны из резиденции посла госсекретарь США Сара Коулмэн от неожиданности остановилась. На её лице читалось болезненное удивление: столь разительная была перемена вокруг.

– И снег здесь даже бывает, – зло проворчала она, повернувшись к своему помощнику по делам стран Азии и Тихоокеанского региона Дикю Клингеру.

Охранник предупредительно открыл заднюю дверь бронированного лимузина.

– Дик! Поедете со мной, – не терпящим возражения тоном произнесла госсекретарь.

Кортеж американской делегации в сопровождении японских полицейских выехал на улицу Сотобори, повернул направо и медленно стал двигаться в сторону центрального парка Хибия, рядом с которым находился Дом журналистов Японии с прекрасно оборудованным залом для проведения пресс-конференций для высокопоставленных гостей страны.

Сара сидела бледная, тёмные круги под глазами её сильно старили, и это госсекретаря выводило из себя. Вчерашний приём от имени премьер-министра не прошёл даром. Ночью всё посольство стояло на голове, пытаясь облегчить страдания Коулмэн, – похоже, желудок не был готов к сырой рыбе.

– Ну что, Дик! Японцы согласились с подготовленным нами планом реорганизации системы базирования наших войск на Окинаве, – превозмогая неутраченную ноющую боль в животе, произнесла госсекретарь. – Да и по корейской проблематике полная поддержка. Ну а торговые вопросы приурочим к встрече нашего президента с премьер-министром.

– Дик! Вы чем заняты? – с раздражением обратилась к своему помощнику Коулмэн. – Что вы там рассматриваете?

– О! Прошу прощения. Посол Джон Роос только что подарил мне именную зажигалку «Zippo» с вензелем посольства в Токио. Ещё раз прошу меня извинить за невнимательность. – Клингер ласково погладил зажигалку и вопросительно посмотрел на госсекретаря.

– Дик! Так вы же не курите, насколько я успела узнать вас.

– Вы правы, бросил уже лет как десять, – поперхнулся и закашлялся помощник. – Но продолжаю коллекционировать именные посольские зажигалки. Это уже шестнадцатая, – восторженно произнёс Дик Клингер.

– Да уж, у всех у нас есть свои слабости, – пробормотала госсекретарь и снова поморщилась от спазмов в животе.

² Город цветов (яп.)

– По поводу ваших оценок, – включился в разговор Клингер, – то для первого международного турне в качестве главы внешнеполитического ведомства США визит прошёл вполне удачно. А предстоящая пресс-конференция поможет расставить необходимые для нас акценты.

– Кстати, а где мои тезисы к выступлению? – Сара исподлобья посмотрела на помощника. Дик недоумённо уставился на Коулмэн и побледнел.

– Видимо, документы остались у вашей секретарши, – неуверенно произнёс он.

– Чёрт возьми, эта поездка меня доконает! Значит, так, никаких вопросов со стороны журналистов, время пресс-конференции ограничиваем только моим выступлением. Всё ясно? – Сара всегда помнила и придерживалась совета, который ей дала бывшая первая леди страны, когда муж Сары Грэг Коулмэн стал президентом США: «Избегай журналистов, как чумы».

На перекрёстке при повороте на улицу Сакурада, ведущую в правительственный квартал, кортеж резко остановился. Выпавший снег вызвал транспортный коллапс в столице. Вот и сейчас пришлось сопровождавшим делегацию полицейским освободить проезд от столкнувшихся нескольких легковых машин.

Сара чуть приоткрыла шторку на окне лимузина и внезапно побледнела. Перед её глазами высился тёмно-серый блестящий небоскрёб, на фронтоне которого двухметровыми буквами сверкала реклама самой популярной в Японии и известной за рубежом компании по производству сантехнического оборудования «ТОТО». Это, к ужасу госсекретаря, было название того самого изделия, которое пришлось ей обнимать всю прошедшую ночь.

Через несколько минут кортеж продолжил движение. Весь переезд занял не более двадцати минут. У входа в Дом журналистов госсекретаря уже ждал министр иностранных дел Сэйдзо Исаму.

Сара Коулмэн вошла в здание и неожиданно зашла в кашле. В помещении стоял устойчивый запах керосина.

– И как они могут работать в таком смраде? Неужели нельзя заменить керосиновые обогреватели на нормальные кондиционеры? – проворчала Коулмэн, входя в гостевую комнату, примыкающую к залу для проведения пресс-конференций. Настроение у госсекретаря вконец испортилось. Тем не менее дипломатический этикет не позволял расслабиться, и Сара взяла себя в руки. Приняв непринуждённый вид, она повернулась к министру.

– Сэйдзо-сан³! Нам удалось проделать большую работу, и мы вновь убедились, что Япония является нашим приоритетным партнёром в Тихоокеанском регионе. Тем более вашему премьер-министру первому из зарубежных руководителей передано приглашение посетить в ближайшее время Вашингтон для встречи с новым президентом, – обаятельно улыбнулась Сара и кокетливо поправила локон волос на лбу.

– О да! Мы очень признательны за столь высокое доверие и ценим наше стратегическое партнёрство, – любезно поклонился министр иностранных дел Японии.

Неожиданно в комнату вошёл полковник в форме американских ВВС и, приблизившись к Коулмэн, что-то прошептал ей на ухо. Она кивнула офицеру и обратилась к Сэйдзо:

– Вы уж извините мои женские капризы, но хотелось бы побыстрее завершить нашу совместную пресс-конференцию, впереди длительный перелёт в Индонезию.

Министр иностранных дел Японии почтительно склонил голову и отдал соответствующее распоряжение своему помощнику.

– Только пятнадцать минут, потом мы уходим, – в свою очередь приказала Сара Дику Клингеру.

Зал был заполнен битком, к запаху керосина примешивался запах сигарет. Что-что, а японская журналистская братия была почти вся курящая. Последнее вывело госсекретаря

³ Господин (госпожа) (яп.) – уважительная приставка к фамилии.

из себя. Ни она, ни её муж никогда не курили. В бытность Грэга Коулмэна президентом в Белом доме на курение был наложен строжайший запрет.

Речь госсекретаря США была краткой, но агрессивной. Свои тезисы она вбивала в зал, как гвозди в доску.

«...США будут делать всё возможное для того, чтобы укреплять национальную безопасность Америки, продвигать американские интересы, уважать и демонстрировать американские ценности перед всем миром. Американская политика будет и впредь опираться на три основных элемента: оборону, дипломатию и развитие...»

«...Отношения между США и Японией – это краеугольный камень нашей внешней политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а военно-политический союз служит укреплению мира и стабильности в Северо-Восточной Азии...»

«...Северокорейская ядерная программа представляет собой главную угрозу стабильности в регионе...»

«...Режим КНДР должен немедленно отказаться от своей ядерной программы...»

«...КНДР не получит других отношений с США, пока она будет отказываться от диалога с Республикой Кореей. Мы призываем Северную Корею прекратить все провокационные действия в отношении Сеула...»

«...Мы не можем больше терпеть, когда нарушаются фундаментальные демократические ценности. Северная Корея – это страна тирании и нищеты, ей не место среди цивилизованных стран...»

«...Требуем отказаться от проведения испытаний баллистических ракет дальнего радиуса действия...»

«...США пристально следят за внешней и внутренней политикой Пхеньяна...»

«...У нас все опции решения ядерной и ракетной программ Северной Кореи, включая силовые, лежат на столе...»

Госсекретарь, закончив выступление, молча повернулась и вышла из зала.

– Посол Роос! – позвала госсекретарь. Джон Роос быстро подошёл.

– К вашим услугам, мэ!м!

– Роос! Вы готовы выполнить мою просьбу?

– О да! Всё готово, и представитель фирмы «Микимото» уже вас ждёт.

– Отлично! Вы сядете со мной в машину. А вы, Дик, поедете в машине посла.

Лимузин госсекретаря медленно отъехал от Дома журналистов и через пять минут уже подъезжал к высотному зданию на углу квартала Юракутё фешенебельного района Гиндза, на первом этаже которого находился бутик «Микимото» известного во всём мире жемчужного короля и одноимённого бренда.

Сара, получив должность госсекретаря за поддержку, которую оказал её муж во время предвыборной кампании первому в истории страны чернокожему президенту, решительно сменила свой имидж. Сделала круговой лифтинг лица, похудела, прекратила экономить на одежде. Обратившись к знаменитому модельеру Оскару де ла Рента, одевающему только богатых женщин, Коулмэн полностью обновила весь свой гардероб, представ перед американским обществом элегантной и знающей себе цену дамой. Вот и сейчас её целью была покупка комплекта украшений из жемчуга, достойного главы внешнеполитического ведомства США.

Представитель фирмы «Микимото», увидев госсекретаря, поклонился почти до земли и подобрастным тонким голосом пригласил пройти к подготовленным коллекциям украшений.

На специальном столе, покрытом тёмно-синим бархатом, были разложены эксклюзивные украшения из белого, розового, золотистого и чёрного жемчуга. Каждый из комплектов

был по-своему уникален и изящен. Представитель фирмы, взмокший, вытирающий постоянно от волнения лоб, предлагал одну коллекцию за другой.

– Разрешите показать вам последнее эксклюзивное изделие из морского австралийского жемчуга. Посмотрите на эти жемчужины мягкого кремового цвета, они очень вам к лицу. А эти превосходные серьги прекрасно подчёркивают изящный изгиб вашей шеи и заставляют глаза гореть ярче. Жемчужины крупные, класс самый высокий, «AAA».

Сара надела ожерелье, серьги и замерла.

– Вот это то, о чём я мечтала. Теперь снимать их не буду.

– Да, да. Это так. Жемчуг надо носить постоянно, он должен питаться от вашей кожи и будет от этого только ярче, – почтительно произнёс представитель фирмы «Микимото».

Через несколько минут кортеж госсекретаря и мотоциклетный эскорт японских полицейских, набирая скорость, помчался к ближайшему въезду на хайвей⁴ в районе Минато.

Через пятьдесят минут кортеж подъехал к воротам американской авиабазы Йокота. Морской пехотинец, увидев автомашину главы внешнеполитического ведомства США, включил устройство открытия ворот и отдал честь. Эскорт мотоциклистов развернулся и помчался назад: свою миссию они завершили.

Лимузин мягко подъехал к штабному корпусу и остановился. На крыльце Сару Коулмэн уже ждал командующий американскими войсками в Японии генерал-лейтенант Майкл Оспин.

– Генерал? К чему такая срочность? Неужели русские готовятся на нас напасть? – улыбнувшись, спросила госсекретарь.

– Всё намного прозаичнее. Сейчас наша головная боль – это Северная Корея, – произнёс Оспин и предложил пройти в его кабинет. Там командующий представил госсекретарю командира 500-й бригады военной разведки сухопутных войск США в зоне Тихого океана бригадного генерала Джона Блюменталья.

– Здравствуйте, бригадный генерал, – приветливо произнесла Сара, ища одновременно глазами зеркало.

– Докладывайте, бригадный генерал Блюменталь! – приказал командующий, когда Коулмэн, посмотрев в зеркало и ещё раз с удовольствием отметив, насколько изящные колье и серьги из жемчуга она купила, расположилась в мягком кожаном кресле и была готова слушать.

– Слушаюсь, сэр! – Блюменталь открыл папку, достал тонкий лист бумаги с большими водяными знаками «совершенно секретно».

– По имеющейся у нас информации, в ближайшие одну-две недели южнокорейские спецслужбы готовятся повторно провести операцию по ликвидации северокорейского лидера. Покушение на Руководителя в декабре прошлого года, как известно, было предотвращено. На этот раз, как сообщают наши источники, вероятность его ликвидации очень высока. Правда, по линии военных разведок Сеул не подтверждает, но и не отрицает подобных намерений. Информация три часа назад была доложена президенту у США. Доклад закончил.

– Спасибо, бригадный генерал! Вы свободны.

Сара устало прикрыла глаза. Час от часу не легче, подумала она. Да, корейцы ещё те союзнички, всё сами пытаются сделать по-тихому. А главное, в Сеуле не просчитывают хотя бы на два шага вперёд.

– Ну что ж, генерал Оспин! Весьма признательна за информацию, – поблагодарила госсекретарь. – Хотя, как мне кажется, выводы делать рано. Ведь вы, генерал, прибыли сюда

⁴ Скоростная трасса (англ.).

на должность командующего из Европы и, похоже, в истории этих вечных межкорейских интриг пока не разобрались. То спецназ северян пытается шт урмом взять «Голубой дом» – резиденцию президента Республики Корея, то южане набирают уголовников и готовят из них диверсантов для ликвидации лидера Северной Кореи. Да и декабрьское покушение на Руководителя выглядит как-то неправдоподобно, – тихим голосом закончила исторический экскурс Сара. В кабинете повисла тишина.

– На сегодня, – чуть приподняв подбородок и нарушив молчание, – все вопросы по визиту в Японию решены, – сказала госсекретарь. – Так что, генерал, пусть проводят меня в гостевую комнату, надеюсь, до вылета успею немного отдохнуть.

Подойдя к зеркалу и осмотрев себя ещё раз, Коулмэн вышла.

После её ухода в кабинет вернулся бригадный генерал Джон Блюменталь.

– Садитесь, бригадный генерал! – показал на кресло командующий. – Какие у вас оценки по ситуации в Северной Корее?

– Сэр! – произнёс, вскочив, Блюменталь.

– Садитесь. Мне нужны ваши оценки и прогнозы. «Старуха», – (это прозвище Саре, как говорят, дали её муж и его молодая сотрудница, отношения с которой вызвали небывалый скандал) – начинающий политик высокого ранга, она начиталась перед своим первым зарубежным турне старых справок и думает, что всё знает. Мы же – военные, на нас лежит ответственность за обеспечение интересов Америки в регионе. А ситуация такова: северокорейский лидер одной ногой в могиле, в стране идёт борьба за престол. В Пентагоне не исключают развития ситуации по худшему сценарию. Наши войска должны быть готовы к конкретным действиям. Для этого требуется достоверная информация. Времени у нас мало. Поэтому приказываю: выяснить, когда, где и с какой вероятностью ожидается ликвидация главы Северной Кореи. Помните, от ваших действий многое зависит, и наше с вами положение в том числе.

После ухода бригадного генерала командующий прошёл к своему столу и сел в кресло. Перед ним лежала папка с шифртелеграммой от командующего ВС США в зоне Тихого океана.

Оспин вновь внимательно её прочитал и задумчиво откинулся в кресле. Теперь уже не казалось странным распоряжение: срочно вылететь на Окинаву в 3-ю дивизию морской пехоты и лично проверить готовность специального подразделения, задачей которого в кризисной ситуации является обеспечение охраны и экстренный вывоз с территории Северной Кореи всех материалов и оборудования, связанных с ядерным оружием. И всё это на фоне предстоящего совместного с Южной Кореей крупномасштабного учения, а также появившейся информации о готовящемся покушении на лидера северян.

– Да, здесь есть над чем задуматься, – произнёс Оспин.

Глава третья

(КНДР, провинция Янган, 18 февраля, 14:09)

Руководитель уже третью неделю инспектировал воинские части и народно-хозяйственные объекты в северной провинции Янган. Смертельно усталый и не до конца пришедший в себя после прошлогоднего инсульта, он и сопровождающие лица почти уже доехали до резиденции, расположенной на склоне горы Пэктусан⁵.

– К озеру, – приказал водителю лидер государства, но почувствовал явное смущение капитана министерства госбезопасности.

– Ты что, ни разу не поднимался к кратеру? – с удивлением посмотрел на водителя Руководитель. – Ах, да! Ведь ты меня возишь первый раз по провинции Янган, – пробормотал он.

По устоявшейся в стране традиции все чиновники, партийные и военные работники, имеющие право на пользование служебным автомобилем, предпочитали переднее сиденье рядом с водителем при поездках за городом. Как ни странно, но Руководитель не был исключением. Зачастую, пренебрегая безопасностью, лидер государства любил по труднодоступной местности ездить на джипах, и теперь они мчались на мощном внедорожнике «Тойота Лэнд Крузер». При этом Руководитель сидел на специально оборудованном именно под него переднем кресле с подлокотниками из ценных пород дерева, объёмным бардачком-холодильником и встроенным массажёром.

– Чон-тонму! Будешь подсказывать дорогу нашему капитану, а то он уже и побледнел, и покраснел не один раз, – добродушно проговорил Руководитель, повернувшись к сидевшим сзади первому заместителю председателя государственного комитета обороны Чон Джину и начальнику личной охраны.

– Капитан! Чем же знаменита гора Пэктусан? – спросил пытливо водителя глава государства.

– В Пэктусанском партизанском лагере располагался штаб антияпонского движения, и отсюда первый президент нашей страны нанёс главное поражение японским захватчикам. Здесь же родился наш Великий полководец, – бодро отрапортовал водитель.

– М-да! А ведь это священное место непосредственно связано с легендой об основателе корейского государства короле Тангуне, – задумчиво произнёс Руководитель.

– Кстати, – он встрепенулся и всем телом повернулся к водителю, – а саму гробницу короля Тангуна ты видел?

– Так точно! Во время обучения в военном училище нас возили в древний мавзолей в местечке Кандон близ Пхеньяна. Экскурсовод рассказывала, что там похоронен король Тангун, – ответил быстро и чётко водитель.

– Чон-тонму! Надо расширить программу обучения в военных училищах, особенно о происхождении корейской нации, единой и неделимой, – бросил, не оборачиваясь назад, глава государства. Чон Джин все высказывания, даже отдельные фразы Руководителя фиксировал в записной книжке. Через несколько дней эти фразы в расширенном виде превращались в директивы, постановления и другие руководящие документы. Тем более все соратники Руководителя знали о его прекрасной памяти. Он часто любил говорить: «Память становится лучше, если чаще включать голову. Я встаю рано по утрам и тренирую память».

– Стоп! Дальше я пойду один, – властно сказал северокорейский лидер, когда кавалькада машин въехала на специально оборудованную площадку на вершине горы Пэктусан.

⁵ Потенциально активный вулкан на границе КНДР и КНР, высота 2774 м.

На краю огромной чаши высочайшего в мире кратерного озера Чхонджи⁶ резкий, холодный февральский ветер студил лицо и трепал уже сильно поредевшие волосы на голове. Плотный, крепкий мужчина чуть ниже среднего роста задумчиво смотрел в жерло кратера.

Руководитель, когда доводилось бывать на вершине горы Пэктусан, любил побыть один. Инспекционная поездка, планы на будущее всё ещё роились в голове, но перед величием открывающегося похожего на пасть дракона кратера все суетные мысли сразу отступали. Озеро всегда завораживало своей первобытной красотой. И в этот зимний день тёмно-голубое безоблачное небо, падая в кратер, превращало цвет льда в тёмно-изумрудный, который манил к себе и пугал одновременно.

Глава государства чувствовал близость смерти и видел, как в жёсткой борьбе за власть столкнулись три основные политические силы, видевшие преемником одного из трёх его сыновей. Министерство общественной безопасности поддерживало старшего сына. Двадцатисемилетний средний сын был очень популярен в армии, на его стороне открыто выступал генералитет. Сторонниками младшего было руководство Трудовой партии Кореи. Но именно ему, младшему сыну, решил доверить руководство страной Руководитель, официально объявив его своим преемником месяц назад. В нём он видел себя в молодости, похожим и лицом, и статью, да и поведением. При этом большие надежды возлагал на верного товарища Чон Джина, первого заместителя государственного комитета обороны, который был женат на его любимой сестре. Глава государства полагал, что верный соратник сможет поддержать и правильно направить сына при решении важных государственных дел. Но он чувствовал, что борьба за власть между сыновьями продолжится, может, даже с трагическими последствиями, и это его сильно огорчало и беспокоило.

Стоявший чуть в стороне Чон Джин тихонько кашлянул, чтобы привлечь внимание вождя.

– Всё! Понял, у нас остались на сегодня ещё очень важные дела, – произнёс глава государства. – Пошли в машину.

Уже в джипе он вдруг встрепенулся и вновь вернулся к разговору, тема которого его расстроила с утра. От благодушного настроения не осталось и следа.

– Специально для воинской части №4765 закупили в Австрии картофелепосадочные и уборочные машины, да и не за малые деньги, а солдаты моей доблестной армии отказываются есть картофель и просят только рис, – с возмущением заговорил Руководитель, глядя прямо в окно на набегающую ленту просёлочной дороги.

Он открыл бардачок и достал бутылку французской минеральной воды. Отхлебнув из стаканчика, немного успокоился. Однако не прошло и двух минут, как снова раздался его голос: «Сгноить целое хранилище такого ценного продукта!»

Руководитель посмотрел в окно, где вдалеке от трассы виднелись строения небольшого населённого пункта. Домики хоть и были одинаковы, но все отличались расцветкой – жёлтые, голубые, зелёные, что создавало иллюзию «благополучия» местных жителей. Хотя если приглядеться поближе, то можно было увидеть заиндевевшие окна и отсутствие у большинства строений привычного для зимней поры курящегося из труб дымка. На улице стоял сильный мороз.

– Командира части разжаловать на два звания, пусть походит майором, а там посмотрим, – неожиданно резюмировал лидер КНДР. Хотя сам командир ему понравился и порядок у него был везде подходящий. – Напомни, что у нас на сегодня? – буркнул через плечо Руководитель, обращаясь к Чон Джину.

– Совещание по внешнеполитической ситуации и заслушивание начальника строительства ГЭС для разворачиваемой в предгорьях Пэктусан нашего огненного кинжала бригады опе-

⁶ Небесное озеро (кор.).

ративных ракет. Место дислокации этого соединения крайне важно для безопасности нашей страны. Оно расположено всего в нескольких километрах от границы с КНР, что делает его неуязвимым для американцев.

– Ты, как всегда, прав, дорогой Чон. Как поговаривали наши прадеды: «Волки держатся поближе к волкам, косули – к косулям». Это было верное решение о размещении оружия возмездия вблизи китайской границы. Ни южнокорейские марионетки, ни янки не посмеют нанести удар по бригаде, побоятся разбудить великий Китай, – удовлетворённо подытожил глава государства.

(Правительственная резиденция у подножия горы Пэктусан, 15:20)

В зале для совещаний собрались ближайшие соратники Руководителя, которые расселись вокруг большого инкрустированного редкими породами дерева стола. Было душно в помещении, хотя пол, выложенный из разноцветного мрамора, приятно охлаждал разгорячённые долгой ездой в автомобиле тела. Высокие небесного цвета потолки и облицованные бирюзой колонны создавали эффект покоя, а мягкие зелёные кресла клонили чиновников ко сну.

Глава государства в это время проходил ежедневный медицинский осмотр в своём кабинете. Высокая, статная и просто красавица военврач в звании старшего лейтенанта замерила давление у Руководителя, послушала дыхание в лёгких.

– Что скажешь, медицина? – натужно, голосом курильщика выдохнул глава государства.

– Товарищ Великий полководец! У вас очень сильное нервное истощение. И вы ещё слабы после болезни. Вам бы пару дней поспать и отдохнуть, – с мольбой в больших карих глазах произнесла военврач.

– Нет, надо завершить дела, а завтра у тром рано мы выезжаем. Когда вернусь, приготовь, как обычно, травяные настои, особенно от головной боли. Уже второй день какая-то тяжесть в левой половине головы.

Председатель государственного комитета обороны⁷ вошёл в зал совещаний, все чиновники разом вскочили и поклонились чуть ли не до пола, дожидаясь, как обычно, знака от Руководителя, что можно сесть. Колючим взглядом Великий полководец оглядел присутствующих, однако затем приветливо улыбнулся.

– Ну что, товарищи! Приступим. Докладывать кратко.

Он нашёл глазами первого заместителя министра иностранных дел Цой Ге Гвана.

– Цой-тонму! Как добрался? – обратился негромко Руководитель к одному из наиболее доверенных лиц в своём окружении. И на это были веские причины. Именно Цой Ге Гван вёл в последнее время весь комплекс международных переговоров по ядерной проблематике.

– Мы слушаем тебя, – добавил Руководитель.

– Спасибо за заботу, Великий полководец! – склонив голову, с почтением ответил Цой. – Шестисторонние переговоры по ядерной проблеме Корейского полуострова зашли в тупик из-за выдвигания США, Японией и Республикой Корея заведомо невыполнимых новых требований вопреки ранее достигнутым договорённостям. В этих условиях целесообразно активизировать нашу ядерную программу во имя обеспечения безопасности государства, что, в свою очередь, сделает наших врагов более сговорчивыми.

⁷ Руководитель совмещал практически все высшие должности в стране, за исключением Председателя Верховного совета народных представителей.

Кроме того, Вашингтон, Токио и Сеул заключили трёхсторонний военно-политический договор, преследующий цель смены государственного строя в нашей стране.

Госсекретарь США Сара Коулмэн, прибывшая в Токио семнадцатого февраля, выступила на пресс-конференции с провокационной речью не только в ваш адрес, но и в адрес нашего народа.

Президент Южной Кореи Ли Мен Бак окончательно отказался от договорённостей, достигнутых с его предшественниками, и проводит агрессивный курс в отношении нашего государства.

– Начальник Генерального штаба! – повернулся Руководитель к маршалу Ли Ён Хо.

– Товарищ Верховный главнокомандующий, предлагаю сначала заслушать начальника разведывательного управления генерал-лейтенанта Ан Ен Ги.

– Хорошо. Докладывайте, генерал!

– По нашей оценке, ситуация на Корейском полуострове крайне серьёзная. Военные ведомства США и Южной Кореи считают, что у нас в стране якобы возникла угроза политического и экономического коллапса, поэтому они не исключают возможность реализации модифицированного стратегического плана «НОМЕР 27», имеющего целью нанесение военного поражения и оккупацию страны.

Допускаем, что существует угроза агрессивных военных действий со стороны американо-южнокорейской группировки, которые могут быть реализованы под прикрытием намеченных на девятое марта широкомасштабных учений «Ключевое решение» и «Молодой орёл».

Поводом, предположительно, станут нарушения южанами наших территориальных вод в акватории Северной разграничительной линии в Жёлтом море. Причиной нашей обеспокоенности является тот факт, что в отличие от предыдущих лет в предстоящем учении будут существенно увеличены привлекаемые силы и средства. Доклад окончен.

– Начальник Генерального штаба!

– Товарищ Верховный главнокомандующий! Верная вам Корейская народная армия приведена в боевую готовность и готова отразить агрессию. Победа будет за нами! – пафосно произнёс недавно назначенный на должность начальника Генерального штаба Ли Ён Хо, возглавлявший до этого Управление охраны руководства страны. А столь высокой должности он был удостоен за предотвращение попытки покушения южнокорейских спецслужб на Руководителя в декабре прошлого года. Как и большинство единоличных правителей во всём мире, Великий полководец приближал к себе наиболее верных и доказавших своими делами преданность чиновников, будь то военный или партийный работник. Поэтому на столь важном заседании не было министров обороны, иностранных дел, государственной безопасности. Присутствовали в основном их заместители. Да и практика, сложившаяся в стране, позволяла занимать (номинально) пост министра до самой смерти. Работали в основном их замы, на них опирался Руководитель, и их же сам тщательно отбирал, перепроверял, а потом уже приближал. Поучительна в этом плане была судьба нынешнего первого заместителя председателя ГКО, мужа сестры Руководителя Чон Джина. Будучи долго в ближайшем окружении, Чон однажды выразил своё несогласие по проводимой экономической политике. Пришлось ему в итоге более полутора лет проходить «курс перевоспитания» на специальной для таких чиновников высокого ранга закрытой вилле.

– Начальник Генерального штаба! Необходимо подготовить и распространить через Центральное телеграфное агентство Кореи заявление вашего представителя о готовности КНДР к жёстким ответным мерам, если южнокорейские марионетки будут и дальше провоцировать нас, – отдал распоряжение Руководитель. – Всё ясно? Ли-тонму! А где твой блокнот? Всё на память берёшь? – уже сердито посмотрел на начальника Генерального штаба Руководитель.

Ли Ён Хо побледнел, так как он понимал, чем могут закончиться такие промашки. Достал из кармана блокнот и дрожащей рукой что-то там накорябал.

– Рю-тонму! Доложи-ка нам о ходе работ по подготовке запуска спутника «Кванмёнсон»⁸ в космос. Готов ли наконец ваш комитет космических технологий добиться успеха? Или снова нас ждёт неудача?

Генеральный конструктор Рю Кюм Чель встал и, посмотрев на главу государства, медленно, тщательно взвешивая каждое слово, проинформировал, что вместе с Блистательным товарищем⁹ сегодня прибыли с космодрома Тонхэ. Подготовка орбитального запуска экспериментального спутника вступила в решающую фазу. В первых числах марта планируется завершить сборку ракеты-носителя и подготовить её к установке на стартовый стол.

– Хорошо! Цой-тонму! – обернулся Руководитель к Цой Ге Гвану. – Через нашего представителя при ООН Пак Мен Гиля немедленно распространить информацию о нашей решимости продолжить освоение космоса и запустить в ближайшее время искусственный спутник Земли. Пусть боятся нас янки и их союзники.

Руководитель вдруг нахмурился и бросил сердитый взгляд в сторону своего сына, который оживлённо о чём-то переговаривался с заместителем министра госбезопасности генерал-полковником Кан Мин Хёком.

– Что за веселье там у вас? Объяснись!

Преемник встал, слегка наклонил голову и с вполне серьёзным видом сообщил, что Кан Мин Хёк готов доложить о проводимых работах на ядерном полигоне «Пунгери».

– Товарищ Верховный главнокомандующий! – поднялся генерал-полковник Кан Мин Хёк. – Вчера вечером вернулся с полигона, где инспектировал по вашему указанию ход подготовки к испытанию ядерного взрывного устройства, запланированному на конец апреля и приуроченному к очередной дате дня рождения первого и последнего президента¹⁰. Считаю, что демонстрация ядерной мощи послужит ледяным дождём¹¹ для американцев и их марионеток, тем более мощность заряда в двадцать килотонн сопоставима с зарядом бомбы

«Толстяк», сброшенной американцами на Нагасаки в 1945 году. – Кан переглянулся с Преемником и радостно продолжил: – Работы ведутся с опережением графика! Ядерное взрывное устройство практически готово, собрано, погружено на тележку и находится в депо. Командный пункт автоматики подрыва и управления измерительной аппаратуры подготовлен. Перед закладкой заряда в штольню планируем в первой декаде марта провести тестовую проверку.

Тут слово взял Блистательный товарищ, сын Руководителя.

– Великий полководец! Наши военные и технические специалисты совершают героический подвиг во имя защиты нашей Родины. В первой декаде марта практически будет завершена подготовка к выводу в космос спутника «Кванмёнсон», а на полигоне «Пунгери» ядерное взрывное устройство планируется установить в штольню. Разреши мне от твоего имени провести генеральную инспекцию этих объектов шестого марта, а восьмого марта буду уже в столице. На выборы в Верховный совет народных представителей успеваю.

В этот момент никто даже не обратил внимание на первого заместителя председателя ГКО Чон Джина, который весь подобрался и с настороженностью посмотрел на Преемника Великого полководца. Ему бросилось в глаза, что, всегда молчаливый, здесь он вдруг решил проявить инициативу, причём в решении наиболее важных государственных дел. И главное, что поёт соловьём, как будто под чужую дудку. Быстро написав записку, он по столу передал её Руководителю.

Глава государства прочитал и внимательно посмотрел на сына.

⁸ Яркая звезда (кор.)

⁹ Титул преемника КНДР.

¹⁰ Отец Руководителя.

¹¹ Высокопарность и пафос присущи как чиновникам КНДР, так и прессе.

– Хм. Интересное предложение... Есть о чём подумать... А ведь ты прав! Согласен... – медленно произнёс он. – Хотя... Значит, так. Кан-тонму! Ещё раз в ближайшие дни всё проверишь, и жду тебя с докладом. Так... а генеральную инспекцию... возглавлю сам.

Руководитель с гордостью вновь посмотрел на сына и заместителя министра госбезопасности.

Ему нравилась их дружба. Кан Мин Хёк прошёл хорошую школу в Управлении охраны высшего руководства страны, отвечал, в частности, за безопасность сына, когда тот учился в Швейцарии, а затем – в северокорейской дипмиссии при ООН. Статный, немного шумный и всегда готовый стать душой любой компании, Кан быстро поднялся по служебной лестнице. Да и семья у него хорошая. Тесть – заместитель начальника отдела в Центральном комитете Трудовой партии Кореи. И что положительное в характере Кана, он избегал бравировать своим родством с партийным работником столь высокого ранга. Приблизил же Руководитель к себе Кана тогда, когда тому удалось вскрыть подготовку южнокорейских спецслужб к покушению на лидера Северной Кореи. После этого его начальник Ли Ён Хо возглавил Генштаб, а Кан был назначен на должность заместителя министра общественной безопасности государства. Кроме того, ему было поручено курировать и ядерный проект.

Когда сын и Кан сели, слово было предоставлено приглашённому в зал начальнику строительства объектов инфраструктуры разворачиваемой в провинции Янгандо ракетной бригады Хён Бину. Ничто не предвещало бури. Согнувшись почти до земли, вошёл один из лучших руководителей строительства специальных объектов.

– Мне очень трудно говорить, товарищ Верховный главнокомандующий, но в намеченный срок ГЭС не сможет быть введена в эксплуатацию, – тихо, с дрожью в голосе прошептал Хён Бин и умоляюще посмотрел на сына вождя – «Короля утренней звезды»¹², ища поддержки у него. Ведь истинной причиной задержки строительства стало некомпетентное вмешательство Преемника. А точнее, нецелевое использование денежных средств и рабочей силы. Официальный преемник для себя и молодой жены построил шикарную резиденцию недалеко от горнолыжного курорта в предгорьях горы Пэктусан в реликтовом сосновом бору.

– Что??? Когда народ в стране голодает и правительство выкраивает последние средства... тебя же расстрелять надо... – гневно прохрипел Руководитель. Но вдруг замолк и откинулся на спинку кресла.

Чон Джин, единственный, кто не потерял из присутствующих самообладания, бросился к нему и вдвоём с врачом положил на пол потерявшего сознание главу государства, подложив ему под голову медицинскую сумку. Старший лейтенант медицинской службы поднесла ватку, смоченную какой-то жидкостью, к носу Руководителя, тот вздрогнул и еле слышно спросил: «Что со мной?»

– Похоже, гипертонический криз. Недельку вам придётся полежать, – участливо произнесла военврач, бережно поправив сумку под его головой.

– Быстро подготовить вертолёт к транспортировке, – отдал распоряжение Чон Джин начальнику Генштаба. – И немедленно подготовить палат у в Хесане, здесь лёта минут тридцать, – бросил Чан председателю парткома провинции.

Все присутствовавшие сразу засуетились. Кто-то бросился выполнять полученные поручения, кто-то остановился около лежавшего на полу главы государства. У одних в глазах читалась искренняя боль за любимого Руководителя, другие якобы вытирали слёзы, злорадствуя в душе. Свита любого короля во все времена разношёрстна и двулична, готова его тут же предать, если он упадёт, и петь здравницы новому королю, чтобы сохранить для себя место под солнцем.

¹² Ещё один из титулов Преемника.

Охрана уложила Руководителя на носилки и быстрым шагом понесла его к вертолёту. Чон Джин не отставал от вождя.

Пришедший в себя от испуга Преемник тихо позвал заместителя министра государственной безопасности.

– Кан-тонму! Немедленно, своими руками пристрели этого строителя, пока он чего-нибудь не сболтнул. Только отведи его подальше, – тихо прошептал Преемник.

– Король утренней звезды! А что с Руководителем? Опять insult? – в голосе Кан Мин Хёка странно прозвучали нотки отчаяния. – Неужели он в ближайшие дни не придёт в себя?

– Всё нормально, это гипертонический криз. Пару дней прокапают лекарства, и он снова будет в строю. Когда вернёшься с полигона, будешь уже докладывать ему лично. А теперь быстро исполнять то, что я тебе приказал. Ясно?

Из-за шума винтов вертолёта никто не услышал выстрела. Хён Бин был мёртв.

Глава четвёртая (Москва, Пятницкая улица, 19 февраля, 16:35)

Кондратьев позвонил где-то после обеда и предложил Артёму подъехать к станции метро «Новокузнецкая». Встретившись, друзья зашли в итальянский ресторанчик на Пятницкой.

– Здесь прекрасная кухня, живой огонь, а не разогретые в микроволновке блюда, – сказал Кондратьев, раздеваясь и передавая пальто гардеробщику.

– Может, на втором этаже расположимся? – предложил генерал. Друзья стали подниматься вверх по лестнице. Сверху спускалась официантка с подносом посуды. Кондратьев посторонился, к стене прижался и Артём. Посмотрев на мужчин, девушка вдруг оступилась и стала падать. Удивительно, но реакция Королёва была молниеносной. Он подхватил падающую девушку так, что даже посуда не успела упасть на ступеньки.

– Ну ты даёшь! Как в цирке. Только известный мне Дерсу может так среагировать! Надо же, и годы не берут! – с восхищением сказал Кондратьев, когда друзья уселись за стол. – Так!.. Что-то стало холодать, не пора ли нам поддать, – подмигнув Артёму, произнёс генерал. – Помню, помню... – поднял он руки, – ты у нас убеждённый трезвенник. Кто не курит и не пьёт, тот здоровеньким помрёт, – продолжил балагурить Кондратьев. – А ты случайно курить не бросил? – обеспокоенно продолжил генерал и погладил седой ёжик волос на голове.

– Не дождётесь, курил и буду курить. Поэтому если и помру, то никак не здоровеньким, – улыбнувшись, произнёс Артём и перекрестился.

– Да, кстати! Звонил сегодня Алексей Алексеевич, он ждал тебя вчера с утра. Не мог ему перезвонить?

– Командир! Честно говоря, закрутился и забыл. Домой ему позвоню после десяти вечера, мы с ним так договаривались. И прими мои благодарности, что сосватал его мне. Он не только психотерапевт хороший, но и как мужик нормальный.

– Артём! Прошу тебя, собери все силы в кулак и поработай с психотерапевтом. Я с ним беседовал, он не считает тебя потерянным для нас и верит, что ты справишься, извини, со своими тараканами в голове. При этом, пожалуй, я впервые от него услышал слова одобрения в твой адрес, когда ты предложил вместо медитации по системе йогов чтение молитв. Говорит, что он не додумался бы об этом.

– Всё нормально. Алексей Алексеевич утверждает, что первый этап пройден и я вроде прихожу к пониманию сути этого синдрома, а это – главное. Пытаюсь теперь научиться отключаться от проблем, как собака отряхивается от блох. Правда, не очень пока получается, срываюсь. Кстати, а откуда ты его так хорошо знаешь?

– А я разве не говорил? Так он из нашего полка, там, в Бадахшане. Тебя тяжело раненого вывезли на Большую землю, если мне память не изменяет, в конце 1984 года, а Алексей прибыл где-то следующей весной. Он же хирург по специальности. Это потом, когда уволился, занялся частной практикой. Через него много нашего брата афганца прошло, не все смогли привыкнуть к мирной жизни. Сейчас вот уже после Чечни клиенты пошли.

Друзья вдруг оба помрачнели. Кондратьев поднял рюмку.

– За тех, кто остался там, в Ваханском коридоре на Северном Памире! – проговорил он и замолчал.

– Дерсу! Не тянет назад, в Генштаб? – вдруг спросил генерал.

– Щемит иногда сердце, но сам понимаешь, не нужны новому руководству умные головы, – ответил полковник. – Да и честь офицерская нынче не в почёте, – помолчав, добавил он.

– Интересно... – язвительно протянул генерал. – Честь офицера, видите ли, не в почёте. Ты что, присягал конкретному министру или президенту? Начальники приходят и уходят, а офицеры и государство ос-та-ют-ся! Это аксиома для тех, кто служит Отечеству. Другого не дано, – резко закончил Кондратьев и переставил зачем-то бокалы на столе.

– Командир, не шуми...

– Ага, не шуми. Приходится шуметь. Все вдруг такие обидчивые стали, только рапорта и пишут. А кто, спрашивается, служить будет? Вспомни, что писал ротмистр царской армии Кульчицкий в «Советах молодому лейтенанту», ставших впоследствии неофициальным кодексом чести русского офицера. Забыл? А я скажу. В жизни бывает положение, когда надо заставить молчать своё сердце и жить рассудком. Это во-первых. Во-вторых, не пиши необдуманных писем и рапортов сгоряча. И последнее, о чём хочу напомнить: душа – Богу, сердце – женщине, долг – Отечеству, честь – никому. Повторяю для тех, кто в танке, – всё больше распаяясь, продолжал генерал. – Отечество – высшая ценность русского офицера. Главное – Россия, всё остальное преходяще и тленно. Ясно тебе? – закончил, тяжело дыша, Кондратьев и стал смотреть в окно.

– Да... – протянул Артём. – Похоже, тебя достала нынешняя обстановка в Генштабе, раз ты ударился в сокровенное. Знаешь, я тоже в последнее время частенько задумывался, что же должно лежать в основе понятия о чести русского офицера. Согласен с тобой, что Отечество – высшая ценность для русского воина. Но и без веры, святой и бескорыстной, той, которая побуждала русского солдата не жалеть живота своего, не обойтись. Вот ты сейчас сидишь и смотришь в окно. Что за ним? Что ты видишь? – спросил Королёв и замолчал, ожидая ответа.

– Что-что? Да ничего не вижу, снег идёт и темнеет.

– А всё-таки?

– Хм. Собор вижу. Точнее, насколько я знаю, это церковь Климента Папы Римского.

– Правильно... – протянул Артём. – И что ты можешь сказать о священномученике Клименте? Не о храме, а о том, кому посвящён сей храм?

– Честно говоря, ничего. Ты же знаешь, в отличие от тебя, я ещё не нашёл свою дорогу к Богу. Здесь спешки не должно быть. Всему своё время, – устало ответил Кондратьев.

– Не об этом я. Просто здесь как раз пример, когда вера становится смыслом существования человека. Не буду тебя сильно грузить, но пару слов скажу. Так вот. Священномученик Климент родился в Риме в начале нашей эры. Принял Крещение от святого апостола Петра, который впоследствии рукоположил святого Климента в епископа города Рима. Пострадал же он за веру Христову. Был изгнан тогдашним императором Траяном и сослан в Инкерманские каменоломни близ Херсонеса Таврического. Климент претерпел там жестокие мучения, но продолжил апостольскую деятельность, чем снова вызвал гнев римского императора. Мученика утопили в море с якорем на шее... – Артём тяжело вздохнул и продолжил: – Так я вот о чём. Истина – в вере. Вот её как раз и не хватает нам сейчас.

За столом наступила тишина. Первым очнулся генерал.

– Послушай, Артём! Ты всё правильно говоришь, но давай сейчас спустимся на землю. Может, хватит валять дурака и будем восстанавливаться на службе? Не сразу, конечно. Высокклассных и опытных специалистов разогнали, остался один молодняк. И работа, без преувеличения, встала. Насколько тебя знаю, ты заханешь без нашей неблагодарной, но такой интересной работы. Тебе ещё полтинника нет, можно сказать – мужчина в расцвете лет. Да и где мне найти такого полиглота, как ты, днём с огнём во всём Генштабе не найдёшь офицера, который знал бы три восточных языка и лучше тебя ситуацию в Восточной Азии. Подумай, очень прошу тебя. Вообще, я давно хотел переговорить с тобой на эту тему.

– Командир! Извини меня, но... не готов я пока... Совсем недавно выкинули, как нашкочившего кота... Как будто и не было двадцати пяти календарных лет... Не могу, – помотал головой Артём и грустно посмотрел на генерала.

– Ладно. Обидчивые мы какие. Тем не менее предложение остаётся в силе, позже вернёмся к этой теме. А сейчас я ухожу, мне ещё на Арбат заскочить надо. Пока.

Генерал встал. Молча пожал руку вставшему Артёму и спустился по лестнице.

Через пару минут Артём из окна увидел, как чёрная служебная «Волга» тронулась и влилась в поток медленно движущихся по Пятницкой улице автомашин. Вечер, пробки.

Кондратьев смотрел в окно «Волги», на лице была видна еле заметная улыбка. То, что Артёма удастся вернуть, он не сомневался. Да, потребуется время. Но он знал его как облупленного и верил в него, может, даже больше, чем в самого себя.

Их связывала не просто совместная служба, а много больше – кровавый ад Бадахшана, где в жестокой мясорубке схлестнулись сыновья красноармейцев с потомками сбежавших от советской власти басмачей. Десантно-штурмовая рота, в которой Кондратьев командовал разведвзводом, контролировала вход в узкую долину на высоте около 5000 м – Ваханский коридор, имевший стратегическое значение, поскольку он соединял Афганистан с Китаем. В то время китайское правительство активно помогало моджахедам оружием и инструкторами. Срочно нужен был переводчик с китайским языком. В итоге прислали Королёва, только что закончившего Дальневосточный университет. Королёв, получив диплом, написал рапорт на два года службы офицером и сразу же изъявил желание убыть в Афганистан. Артём, выше среднего роста, спортивного телосложения, мастер восточных единоборств, сразу понравился Кондратьеву, выпускнику командного военного училища имени Моссовета. Тогда он стал частенько повторять, что теперь во взводе два «джейрана» – он и молодой лейтенант, имея в виду выносливость и неутомимость Королёва. Особенно импонировала командиру разведвзвода способность Королёва действовать быстро и осмысленно в критических ситуациях. Работал Артём на износ. Всем он был хорош, только практически никогда не смеялся, и когда в минуты отдыха среди офицеров заходил разговор о жёнах, невестах или просто о женщинах, лейтенант выходил из палатки. Вначале пытался кто-то пошутить, но потом все поняли, что у Артёма какая-то личная трагедия, и отстали от него.

Единственное, что держало Кондратьева в напряжении, так это постоянная готовность лейтенанта идти в самое пекло, будто парень искал смерти, а старуха не обращала на него внимания. Чуйка у него была развита, как ни у кого другого, читал следы даже на камнях. Там и прозвали его Дерсу, в честь знаменитого земляка по имени Дерсу Узала, легендарного дальневосточного таёжника и охотника. Но эта безрассудная смелость Артёма и способность принять единственно верное решение в критической ситуации однажды спасли жизнь Кондратьеву и его взводу.

Был декабрь 1984 года, снег закрыл перевалы, в том числе и Южный Вахджирдаванский на границе с Китаем. Разведвзвод Кондратьева на трёх БМП-1, называемых среди солдат «братской могилой пехоты», двигался в сторону посёлка Сархад-е-Вахан по узкой горной дороге и попал в засаду. Головная БМП была тут же подбита. Та же участь угрожала и остальным двум машинам, тем более шквальный огонь противника из крупнокалиберных пулемётов не давал возможности бойцам выбраться из БМП и перегруппироваться. Тяжёлые пули 12,7 мм крошили скальную породу в пыль. Хлёстко били «буры», английские винтовки времён британской колонизации. Их пули со стальным сердечником прошивали броню БМП только так. Ответный огонь открыть было не из чего, так как угол подъёма пушки вместе со спаренным пулемётом был не более 40 градусов, а ду хи находились практически сверху. В этот критический момент Артём с ручным пулемётом выскочил на тропу и открыл огонь по засевшим в скалах моджахедам. Внимание противника сразу же переключилось на Дерсу, что дало драгоценные минуты разведчикам, чтобы занять оборону среди валунов и открыть прицельный

огонь из автоматического оружия и гранатомётов. Враг отошёл. Но спасший жизни нескольким десяткам бойцов Артём был тяжело ранен.

Через семь лет судьба снова свела Кондратьева и Королёва, но уже в штабе Дальневосточного военного округа в Хабаровске. С тех пор они уже не расставались.

– Нет! Такие офицеры на вес золота и стоят десятых. Обязательно его верну в строй, – вновь дал себе обещание генерал-лейтенант. – Не вечно же будет править балом «обвальщик» и компания! – сердито буркнул Кондратьев.

После ухода генерала Королёв ещё посидел немного, допил кофе и посмотрел на часы. Было около 8 часов вечера. Время детское, подумал про себя Артём. Идти в пустую квартиру не очень хотелось. Хотя.. ведь сегодня вторник. О Боже! Совсем обленился! Ведь дядюшка Пак наверняка рвёт и мечет. Больше трёх месяцев не был у него.

Королёв оделся и вышел из ресторана. Не прошёл он и десятка шагов, что-то заставило Артёма остановиться. Повернув голову в сторону Храма Священномученика Климента Папы Римского, полковник около изгороди увидел старушку, которая стояла, опустив голову с неловко протянутой сухонькой ладошкой. Снег успел припорошить женщину, и быстро идущие с работы москвичи её не замечали. Королёв порылся в карманах, но нашёл только сторублёвку. Да... Финансы поют романсы... Не очень-то и разбежишься на военную пенсию, подумал Артём и отдал деньги старушке. Женщина, так и не подняв головы, неожиданно сказала: «Да сохранит тебя Господь в дальних странствиях!» Полковник удивлённо посмотрел на неё, пожал плечами и пошёл в сторону метро «Новокузнецкая». Ехать ему надо было с пересадкой на серую ветку до Чертанова, в элитный клуб восточных единоборств «Тангун».

До увольнения Артём всегда пытался выкроить время один-два раза в неделю, чтобы посетить спортивный клуб. Это была его вторая жизнь, и он ею очень дорожил. Тем более в клубе его всегда ждал дядюшка Пак, с которым Королёв был знаком, казалось, с рождения и почитал его как отца.

Дядюшка Пак долгие годы жил во Владивостоке, где вёл занятия с молодёжью по древнему корейскому рукопашному бою «тхэккён». Первокурсник восточного факультета Дальневосточного университета Королёв, посетив занятия дядюшки Пака, влюбился в этот вид боевого искусства. Движения рук и ног, одинаково используемые в нём, больше похожи на танец – красивый и плавный. Здесь нет ударов кулаками. Вместо них применяются удары открытыми ладонями, поскольку ориентировано единоборство на защиту, а не на нападение.

– А-нёнь хасимни-ка!¹³ – поздоровался по-корейски Артём, входя в спортивный зал. Пак, которому было уже лет за семьдесят, радостно обнял Артёма. В его глазах заблестели слёзы. Он знал о всех проблемах своего уже давно повзрослевшего и заматеревшего ученика и искренне переживал за него.

– Тёма! Рад тебя видеть! Здравствуй! Выглядишь ты неплохо. Вот если бы чаще приходил, то мы бы вместе быстро справились с твоим недугом. Я ведь давно уже подготовил для тебя специальный древнекорейский комплекс упражнений, восстанавливающий равновесие духа. Мне прислали из Кореи также специальные травы для настоек. Где ты пропал?

– Спасибо, дядюшка Пак! Ты, как всегда, добр ко мне. Зашёл, потому что соскучился, да и твоего ароматного чая попить захотелось.

– Тёма! Посиди немного, скоро занятия закончатся и попьём с тобой чайку.

¹³ Здравствуйте (кор.).

Через час Артём и его учитель сидели в комнате, интерьер которой напоминал далёкую Страну Утренней свежести¹⁴, и пили чай, настоянный на дальневосточных ароматных травах. Беседуя с дядюшкой Паком, Артём почему-то сразу расслаблялся, и в душе наступал покой. Мысли витали где-то далеко, сидел бы так и сидел.

Дядюшка Пак вдруг замолчал, и Артём очнулся. Кореец казался чем-то расстроен.

– Что-то случилось, учитель? Может, нужна моя помощь?

– Тёма, даже не знаю, что сказать. Впервые нашему клубу пришло официальное приглашение из Пхеньяна для участия нашей молодёжной команды в турнире по древнекорейским единоборствам. Турнир будет на высоком уровне, поскольку приурочен к дню рождения Великого полководца. Представляешь, и всё за счёт корейской стороны. И вот беда, второго тренера команды вчера с перитонитом увезли в больницу, а вылет намечен на двадцать седьмое февраля, то есть через неделю. – Старик чуть ли не заплакал. – Тёма! Вся надежда на тебя, второй день названиваю. Только ты сможешь заменить второго тренера! – воскликнул Пак и с надеждой посмотрел на Артёма.

Как всё это далеко сейчас от него, пронеслось в голове Королёва. Соревнования, хлопоты, перелёт, гостиница. Но не поездка главное, а то, что Артём смертельно боялся вновь очутиться в Пхеньяне, уж очень болезненные личные воспоминания связаны у него с Северной Кореей.

– Дядюшка Пак! – мягко обратился Королёв к учителю. – Меньше всего мне хотелось бы обидеть тебя, но ты должен понять, что для меня невыносимо больно снова вернуться в Пхеньян. Прости. Не могу.

¹⁴ В китайских записях, датированных серединой I тысячелетия до н. э., впервые появилось название древнего корейского государства, состоящее из двух иероглифов: «утро» и «свежесть».

Глава пятая

(Авиабазы Мисава, о. Хоккайдо, 19 февраля, 17:56)

Фыркая от усталости после тяжёлой работы, к складу горюче-смазочных материалов медленно подкатил топливозаправщик «Детройт дизел». Из кабины выпрыгнул невысокий рядовой авиации 1-го класса Форрест Симонс. Сослуживцы звали его «Коротышкой».

– Ну и денёк был сегодня! – восторженно пробормотал рядовой службы снабжения американской авиабазы Мисава в далёкой от родного Канзаса Японии. Несмотря на многочасовую и тяжёлую работу, Форрест был счастлив, как никогда. Ещё бы! Фактически ему бесплатно выпал джокер – заправить авиационным топливом пять самых современных, быстрых и дорогих в мире лёгких самолётов бизнес-класса. Глаза парня сияли. Только в глянцевах журналах про авиацию ему доводилось ранее видеть такую авиатехнику, а он был с детства просто влюблён в неё. Единственно, что омрачало Форреста, так это письменный приказ начальника службы снабжения авиабазы о запрете на разглашение какой-либо информации, даже о факте нахождения на аэродроме приземлившихся ранним утром этих красивых птиц.

На авиабазе уже наступили сумерки, хотя время было ещё раннее. Как-никак, а зима ещё правит балом. С океана дул промозглый ветер, с неба сыпал мокрый снег. Форрест надел тёплую куртку и остался рядом с топливозаправщиком, наблюдая, как заправленные им лёгкие реактивные самолёты один за другим выкатывали на рулѐжную дорожку. Первым, под покровом темноты, ушёл на взлёт австрийский двухдвигательный «Даймонд», за ним – канадский реактивный самолёт «Бомбардьер». Третьим взмыл в воздух красавец «Цессна-750», турбовинтовой двухмоторный самолёт бизнес-класса стоимостью всего-то в два десятка миллионов баксов. Что-то, а про самолёты серии «Цессна» рядовой знал практически всё. Ведь они из родного штата Канзас. Ещё больше удивился бы Форрест, узнав, что заправил самолёты, пассажиры которых входят в первую полусотню самых богатых и влиятельных людей мира.

Почти час прождал Форрест взлёта оставшихся двух птичек: швейцарского «Пилатус ПС-12» и американского «Гольфстрим-550». Похоже, подумал он, их хозяева задерживаются. И здесь рядовой авиации 1-го класса был прав.

В получасе езды от авиабазы в небольшом, но очень дорогом и хорошо охраняемом гостевом доме двое пожилых мужчин вернулись в переговорный зал, чтобы подвести итоги прошедшей сегодня важной встречи в узком кругу членов Бильдербергского клуба Восточно-Азиатского региона. Практически целый день с небольшими перерывами на обед и отдых шло напряжённое обсуждение вопросов, касающихся будущего России, в частности реализации давно вынашиваемых рядом западных политиков планов по организации в стране так называемой цветной революции. В качестве первоочередного шага планировалась замена ныне действующего национально ориентированного президента на своего человека.

Не случайно было выбрано и место встречи. Хозяином гостевого домика был президент входящей в десятку крупнейших банков мира финансовой группы «Мацуи» Коно Тадаси.

Домик прятался в небольшой сосновой роще на высоком и обрывистом берегу Тихого океана. Строение выделялось своей необычной архитектурой. У него была многоярусная седлообразная крыша, покрытая небольшими квадратами массивной тёмно-зелёной черепицы. Необработанный натуральный камень фундамента контрастировал с большими удлинённой формы застеклёнными просветами на стене. Полукруглый стеклянный фасад домика был обращён к традиционному саду: слегка изогнутый мостик, переброшенный через пруд с карпами,

дорожки, засыпанные белым гравием, низкорослые вишни сакуры, карликовые сосны, клён и кусты азалии. И всё это природное разнообразие исчезало сразу за обрывистым берегом в бескрайних просторах Тихого океана.

Рельеф местности и великолепно организованная система охраны позволяли обнаружить любого, будь то непрошенный гость или даже чёрная белка, которых было в изобилии в местных лесах. Единственная дорога от гостевого домика вела к старинному местечку Роккасё с тесными улочками и черепичными шатровыми крышами домиков, от которого до авиабазы Мисава было рукой подать.

За огромным окном зала для переговоров, обставленного по-европейски, глухо ворчал могучий, полный движения океан, дождь попеременно со снегом стучал по стеклу. Тепло, идущее от огня в камине, приятно грело и действовало умиротворённо на собеседников.

Говорил главным образом американец, в котором любой журналист сразу же опознал бы бывшего госсекретаря США Джека Крисса. Это имя было особенно популярно в 90-е годы, поскольку именно его, в то время крупного советолога, рекомендации легли в основу американской политики по ликвидации СССР и последующему доминированию Вашингтона на постсоветском пространстве.

– Коно-сан! Хочу ещё раз, уже от себя лично, поблагодарить за хорошую организацию сегодняшней встречи, – произнёс Крисс.

Коно Тадаси, сухонький, маленького роста восьмидесятилетний банкир, устало махнул рукой и слегка склонил голову в знак благодарности.

– Весьма признателен за комплимент, Крисс-сан! Но японская народная мудрость гласит, что с тем, кто тебя хвалит, будь осторожен... Ладно, ладно! – произнёс Коно и поднял руки. – Это наш юмор, не обижайтесь... Кстати, знаю, что вы большой любитель японских традиций, поэтому хочу предложить вам продолжить нашу беседу в моём кабинете.

Мужчины прошли по узкому коридору и остановились перед раздвижной дверью сёдзи.

– Проходите, Крисс-сан! Располагайтесь, а я пока отдам соответствующие распоряжения.

Бывший госсекретарь снял туфли и переступил порог практически ничем не заставленной комнаты. Эластичный циновочный пол из плотно сплетённой жёлтой рисовой соломы мягко пружинил под ногами. Тихо звучала музыка, похожая на японские старинные военные марши.

Внимание американца сразу же привлекла ниша в стене, где на фоне тщательно отшлифованных досок из японской сакуры стояла в фарфоровой вазе ветка незнакомого растения с небольшими ярко-красными цветами и блестящими тёмно-зелёными листьями. Мягкая подсветка подчёркивала нежность цветов, на которых сверкали капельки воды.

– Нравится, Крисс-сан? – раздался за спиной американца голос банкира. – Это японская камелия вабиске. В старину разведение камелий было любимым занятием самурайского сословия. Это символ долголетия. Кстати, обратите внимание на вазу. Таких ваз в стране практически больше не найдёте, – с гордостью произнёс Коно. – Это старинная ваза Ига седьмого века. Когда брызгаешь на неё водой, она оживает...

Хозяин дома замолчал, задумавшись о чём-то. Затем встряхнул головой и, обернувшись к бывшему госсекретарю, спросил:

– Вам что-нибудь говорит словосочетание ваби-саби?

– Только «васаби», острая приправа. Звучит почти так же, – ответил, улыбнувшись, Крисс.

– Нет, нет. Здесь другое слово и смысл. Вы только взгляните на рисунок этой вазы! Он прост, но в то же время изыскан и передаёт вечность красоты. У нас говорили в старину, что кто весной не замечает великолепия опадающей сакуры, а осенью – багряных листьев клёна, тот не чувствует ваби, – сентиментально произнёс Коно.

– Так что же означает слово «ваби-саби»? – спросил Крисс.

– Скромная простота... Давайте присядем за столик, – предложил банкир и сел на пол, привычно скрестив ноги.

– Зелёный чай, пожалуйста, – с мягкой улыбкой произнесла японка в кимоно, бесшумно вошедшая с инкрустированным золотом чёрным подносом. Женщина взяла двумя руками чашку и почтительно поставила перед американцем на низкий с изогнутыми ножками столик, вторую чашку с поклоном поставила перед Коно и, согнувшись почти до пола, так же бесшумно удалилась.

– Крисс-сан! Прошу извинить меня за лирическое отступление, но продолжим наш разговор. Итак. Каждый из нас имеет свой интерес в предстоящих событиях. А ваш бесценный опыт и знание России внушают уверенность в успехе. Тем не менее, хотя гости уже разъехались и основные задачи предстоящего мероприятия согласованы, у меня осталась пара-тройка вопросов. Во-первых, представленная вами кандидатура преемника в лице господина Лыскова. Насколько он управляем? Ну и во-вторых, нам нужны гарантии по Сахалину и Курильским островам. То, что принадлежит Японии, должно быть возвращено нам.

Банкир сделал глоток чая, почмокал губами и удовлетворённо улыбнулся.

– Хорошо, Коно-сан! Начну со второго вопроса. Семейство Ризенбергов, в чьих интересах ваш покорный слуга действует, уполномочило меня заверить японскую сторону в том, что южная часть Сахалина и Курильские острова перейдут под вашу юрисдикцию. Северная часть острова и его шельф будут в ведении американских нефтегазовых компаний. Что касается бывшего российского министра Василия Лыскова, то у вас не должно быть никаких сомнений. Он полностью находится под нашим контролем, и не только он лично, а также все его активы, которые хранятся в наших банках, и недвижимость. А средства эти немалые, я вам скажу. Не зря же, как говорят, именно он создал в Москве систему «откатов» – получение взяток лицами, которые принимают решение о расходовании бюджетных средств. Он ярый приверженец наших демократических ценностей и весьма активно в своё время помогал в привлечении американских советников для работы в администрации российского президента. Лысков – один из активных деятелей оппозиции и руководитель влиятельного в Москве фонда предпринимателей, через который мы их и подпитываем приличными суммами. Кроме того, как и у всех политиков, у него хранится свой скелет в шкафу, но мы-то об этом знаем и держим Лыскова на коротком поводке...

– Это хорошо! Да... Надеюсь, в Вашингтоне понимают, что мы заинтересованы вернуть только территории... без проживающего сейчас там населения, – цинично усмехнувшись, вдруг сказал банкир.

– В США, да и в Европе ваши действия найдут понимание, а Лысков будет согласен со всем, что ему будет предложено. Будьте спокойны.

– Хорошо. С преемником вроде всё ясно. Теперь о губернаторе Приморской области. Достаточно ли сильны его позиции?

– Коно-сан! Не хотелось бы вас обременять избытком информации. Главное, губернатор Ильин и верные ему люди готовы при определённых обстоятельствах и соответствующей помощи пойти на создание суверенной Приморской Республики, государственное устройство которой мы обсудим после завершения нашей операции.

Банкир внимательно посмотрел на Крисса. Да... американцы хоть и союзники, но, похоже, они имеют свои виды на Приморье, подумал про себя Коно.

– Но всё же, Крисс-сан! Ведь известно, что «корова воду пьёт – молоко даёт, змея воду пьёт – выделяет яд». Не так ли?

– Коно-сан! – устало произнёс американец. – Ильина мы знаем очень давно, за ним тянется целый шлейф тяжких преступлений, о которых местные правоохранители даже не догадываются. Он у нас под постоянным наблюдением. Причём благодаря вашему прави-

тельству, которое разрешило нам держать в префектуре Аомори¹⁵ авиабазу, а если быть точнее, то центр радио и радиотехнической разведки, входящий в известную вам глобальную систему «Эшелон». Информация по Приморью на регулярной основе поступает от нас в Токио на Касу-мигасэки¹⁶. Мы всё слышим, о чём русские говорят, и даже знаем... о чём они думают.

– О! Весьма признателен, большое спасибо, – произнёс банкир, опять слегка склонив свою седую голову.

– Простите за любопытство, Коно-сан. Но что это за старинные мелодии звучат в комнате? Напоминает что-то из довоенных маршей, не так ли?

– Вы правы. Кто помнит прошлое – знает и настоящее, гласит японская пословица. Вот сейчас, например, военный оркестр и хор исполняют песню «Юки-но сингун», что в переводе означает «Маршем по снегу». Минуточку, вы только послушайте, какие мужественные слова в песне:

Маршем по снегу или по льду,
То ли река под нами, то ли дорога.
Лошади падают, да бросить их нельзя,
Куда ни глянь, вокруг вражья страна.
Да ладно! Закурить бы, но не у кого попросить.
Осталось-то всего две сигареты...¹⁷

Коно Тадаси, вслушиваясь в слова песни, тихо переводил их для гостя и о чём-то вспоминал. При этом весь подобрался, жёсткие складки в уголках губ его совершенно преобразили. Перед бывшим госсекретарём сидела мумия, а не человек: бледно-жёлтая кожа до хруста стянула череп, черты лица заострились, эмоции отсутствовали, и только в глазах была злоба. Но продолжалось это лишь мгновение, затем Коно снова приобрёл вид радушного хозяина, хотя весь его вид говорил о том, что воспоминания продолжают давить на него.

– Кстати, Крисс-сан. У этой песни весьма трагическая история и в чём-то схожая с темой нашей сегодняшней встречи. Было это зимой 1902 года. Подразделение солдат императорской армии усиленно готовилось к войне с Россией и в ходе учений намеревалось пересечь горный хребет Хаккода. Это совсем недалеко отсюда. В горах солдаты попали в жуткую метель и заблудились. Из «марша по снегу» живыми вернулись одиннадцать человек из двухсот десяти, а остальные просто замёрзли... Среди тех, кто вернулся, был и мой отец... молодой офицер... Он лишился правой руки и стал калекой. У меня поэтому личные счёты с Россией... – прошипел сквозь стиснутые зубы банкир и замолчал, вслушиваясь в очередной старинный военный марш.

– Крисс-сан! – очнувшись от воспоминаний, продолжил Коно и пристально посмотрел на гостя. – Надеюсь вы понимаете, что надо сделать всё возможное и невозможное, чтобы не допустить повторения «Юки-но сингун»?

– Коно-сан! В этом вопросе наши позиции полностью совпадают, – отреагировал бывший госсекретарь.

– Извините, но я, кажется, отвлёкся. Пожалуйста, угощайтесь, – встряхнул головой хозяин дома. – Хочу снова обратить ваше внимание, на этот раз на чайные керамические чашки. Каждая из них носит имя своего автора. Посмотрите, им присуща лаконичность формы, естественность фактуры материала, художественная завершенность... Надеюсь... гм... и предстоящее мероприятие... будет «ваби-саби»?

¹⁵ Префектура на севере Японии (прим. автора).

¹⁶ Правительственный квартал в Токио.

¹⁷ Перевод автора с яп.

– Можете не сомневаться, всё будет «ваби-саби»!

Двое мужчин удовлетворённо посмотрели друг на друга и рассмеялись: Коно – скаля кривые и жёлтые зубы, Крисс – безупречные белые. Такие зубы есть только у американцев.

– В таком случае... – бывший госсекретарь чуть помолчал, а потом добавил: – Хотелось бы откланяться. Ещё раз хочу выразить благодарность за хорошо организованную встречу.

Крисс медленно поднялся, ещё раз с восторгом истинного ценителя японской культуры посмотрел на нишу в стене, где в вазе стояла камелия, и направился к выходу.

Коно проводил уважаемого гостя до входной двери, лично её открыл и остался стоять под мокрым снегом, всем видом демонстрируя своё уважение, пока чёрный лимузин с бывшим госсекретарём не покинул гостевой дом. Когда ворота закрылись, Коно кивком подозвал своего личного секретаря.

– Танака-кун! Утром свяжись с секретарём кабинета министров и попроси подготовить для меня справку о степени защищённости нашей связи от прослушивания американским «Эшеломом».

– Слушаюсь, сенсей!¹⁸ – чётко произнёс секретарь.

– И ещё, – Коно задумчиво посмотрел в тёмное окно. – Завтра утром пусть со мной свяжется Сато из Ниигаты, хочу лично проинструктировать нашего стрелка на случай непредвиденных обстоятельств.

Через час принадлежащий семейству Ризенбергов лёгкий реактивный самолёт «Гольфстрим-550» с бывшим госсекретарём США Джеком Криссом на борту круто взмыл в ночную мглу и с креном на правый борт взял курс на юг в сторону Токио.

¹⁸ Учитель (яп.).

Глава шестая

(Район Синдзюку, Токио, 20 февраля, 9:20)

Выйдя из душа, Арнольд подошёл к тяжёлым тёмным портьерам, наглухо закрывавшим окно во всю стену. Пошарив в углу, мужчина нашупал кнопку и нажал. С лёгким шорохом портьеры пришли в движение. От яркого дневного света Арни зажмурился и почувствовал какое-то волнение. Открыв глаза, он сразу понял, в чём дело: вчерашнего ненастья больше нет.

Мокрый снег и промозглый ветер были унесены в океан, а за окном голубело небо. День обещал быть хорошим. Ведь не зря, чёрт побери, снова заказал себе именно этот номер на 52-м этаже фешенебельного отеля «Парк Хаятт Токио» в Синдзюку, подумал он. Вдалеке в лучах восходящего солнца сверкала ярко-белая снежная шапка Фудзиямы.

Третий раз за последние месяцы Арнольд заказывал этот номер, но только сегодня впервые перед ним открылась во всей своей красе гора Фудзи. Но была ещё и другая, более весомая причина, почему американец останавливался в этом номере отеля «Хаятта». Именно здесь проходили съёмки фильма «Трудности перевода» с его любимым актёром Биллом Мюрреем. Они были чем-то похожи друг на друга, и не только внешне, но и характером. Арнольду импонировал образ слегка уставшего от жизни, ироничного и даже порою циничного Билла. Да он и сам за собой замечал в последнее время аналогичное душевное состояние.

Среднего роста, с довольно округлым животом, Арнольд Хундертвассер был, как говорили все его знакомые, живчиком. Даже несмотря на то, что пятидесятилетний Рубикон Арни перешёл три года назад, жизнерадостный характер, лёгкое отношение к неприятностям и доведённая до иступления доброжелательность влекли к нему сослуживцев.

Ровно в 11:30 утра Арнольд вышел из отеля, с улыбкой посмотрел на безоблачное яркое небо и остановился перед парадным входом. Буквально через пару минут перед ним притормозил чёрный «кадиллак» с американским дипломатическим номером. Выскочивший из машины водитель предупредительно распахнул перед Арнольдом заднюю дверь.

– Здравствуй, Арни! – произнёс сидевший в машине Джек Крисс. – Рад тебя видеть. Ты, смотри, как всегда в хорошем настроении.

– Да, сэр! Чудесная сегодня погода. Имел удовольствие лицезреть с утра прекрасную и величественную Фудзияму. – Круглое и улыбающееся лицо Арнольда излучало добродушие. При этом рука автоматически полезла в карман и достала белоснежный платок. Вытерев, как обычно, слегка вспотевшую лысину, Хундертвассер немного повозился и устроился в углу пассажирского кресла.

– Арни! У нас где-то около часа. Покатаемся немного в машине. Она защищена от прослушивания. Сам понимаешь, чужие уши нам ни к чему, даже если они принадлежат союзникам. Во-первых, в чём срочность нашей встречи? И во-вторых, что мы имеем к настоящему времени в сухом остатке?

– Сэр! Перехожу сразу к делу. Возникла серьёзная накладка, и требуется ваше вмешательство. Пекинская резидентура ЦРУ планировала отправить в Пхеньян важную для нас посылку дипломатической почтой через германскую миссию в КНДР. Однако глава дипмиссии ФРГ, который недавно заехал в Пхеньян, неожиданно поставил категорическое условие: ознакомить его лично с содержимым посылки. Мы отказались от услуг немца. Позавчера я беседовал со старшим сотрудником ЦРУ в Китае, так он предложил решить этот вопрос через посла Великобритании. Но здесь нужна уже ваша помощь, нам светиться крайне нежелательно. Это во-первых. Ну а во-вторых, сегодня к вечеру буду в Ниигате. У меня там заключительный инструктаж двух боевых пар. Людей подбирал сам, профессионалы. Кстати, благодаря вам в операции будет задействована подводная лодка с одним из самых опытных командиров

японских ВМС. Выход из лодки планируется осуществлять без постановки на грунт, поскольку сразу у берега начинаются большие глубины. А удержаться во время десантирования может только профи. Думаю, что высадка пройдёт удачно. Затем вылетаю назад в Пхеньян. Да, временные параметры проведения операции остаются прежними. Источник подтвердил, что лидер государства лично намерен проинспектировать объект. Поэтому, надеюсь, всё должно пройти по плану. Что ещё?.. Да, посылку у посла Великобритании заберу сразу по прилёте в страну. Они, к вашему сведению, диппочту отправляют завтра.

– Толково, Арни. Тебя отвезу на вокзал и сделаю необходимые звонки, британцы помогут и не будут совать свой нос куда не следует. Ну а в целом хвалю, молодец! Всегда говорил твоему отцу, что он может гордиться тобой. Кстати, на твой счёт в швейцарском банке уже переведено вознаграждение. Думаю, что ты будешь доволен. Завтра буду уже в Вашингтоне. Что передать отцу при встрече? Планирую заглянуть в Конгресс, есть там пара дел.

– Передайте от меня привет. Хотя... Лучше ничего не говорите. Всё-таки у него возраст, будет волноваться, да и вопросы лишние начнёт задавать. Ни к чему всё это. Ещё один момент. Думаю, что вы одобрите некоторые дополнения к нашему плану. Предлагаю по основному варианту задействовать «Атланта». Как вы на это смотрите?

– Арни! Давай сделаем так. На месте ещё раз всё проиграешь и оценишь целесообразность использования «крота». «Атлант» очень ценен для нас. Впервые нам удалось с его помощью пробраться в ближайшее окружение главы государства. Рисковать им можно только в крайнем случае. Тем не менее сбоя не должно быть, – произнёс твёрдо Крисс и посмотрел в глаза Арнольду. – На кону наша репутация, надеюсь, ты понимаешь?

– Всё будет в порядке, сэр! Это не Югославия и не Ирак. И ещё, пакистанец успешно установил аппаратуру. Задание выполнил. Буду его выводить из страны, – задумчиво сказал Арни.

– Согласен. У меня есть пара идей о его новом трудоустройстве. Иран вновь становится актуален для нас. В этом регионе скоро грянут большие события. Ну ладно, это потом обсудим.

Водитель автомашины постучал в стекло, отгораживающее собеседников от передних сидений: «Сэр! Центральный вокзал».

Арнольд вышел из машины и быстрым шагом вошёл в здание железнодорожного вокзала.

Крисс тяжело вздохнул. Он Арни знал ещё ребёнком, а его отца Пэта, ныне одного из долгожителей Конгресса США, наверное, всю жизнь. Странная штука – судьба. Пэт Хундерт-вассер, республиканец, заместитель председателя специального комитета Сената по разведке, в далёком 1954 году был освобождён из северокорейского плена после войны на полуострове, а его сын, бывший старший сотрудник ЦРУ,

проводит одну из самых сложных своих операций именно на севере полуострова. Что интересно, прикрытие у Арни – глава американской миссии по поиску захоронений военно-служащих ВС США, погибших в ту самую Корейскую войну. Всё в этой жизни циклично, и дети зачастую повторяют шаги своих отцов, но в другом измерении и на качественно новом уровне. Храни Бог Арни, мысленно благословил Крисс своего лучшего помощника и задёрнул шторку на окне автомашины.

«Кадиллак» выехал на столичный хайвей и быстро помчался в сторону авиабазы. Бывшего госсекретаря США уже ждали в Вашингтоне.

(Центральный вокзал, Токио, 16:10)

Тем временем Арнольд, войдя в вестибюль старого здания Центрального токийского вокзала, быстро осмотрелся и уверенно двинулся в восточный зал высокоскоростных железнодорожных линий «Синкансен». Хорошо, что уже не первый раз ему приходилось отъезжать из Токио скоростным экспрессом. Впервые попавший на этот железнодорожный вокзал пассажир испытывает ни с чем не сравнимый стресс, попросту говоря – тихий ужас. Море черноволосых человеческих голов, сложное переплетение переходов с одного уровня на другой создают ощущение какого-то сюрреализма.

Восьмивагонный высокоскоростной поезд до Ниигаты уже стоял на 23-м пути. Вовремя успел, подумал Арнольд и с удовольствием сел в мягкое кресло, обшитое тёмно-синим бархатом. Привычка к роскоши сказывалась и здесь. Интерьер вагона первого класса был великолепен. Миловидная проводница, бесшумно возникшая рядом с креслом, где сидел Арнольд, предложила бэнто¹⁹ и напитки на выбор, а также свежую прессу.

Откинувшись в кресле, американец углубился в чтение последних новостей в англоязычной газете «Джапан таймс». За окном сплошной лентой мелькали небольшие города и деревеньки, зимний лес и отвесные скалы. «Поезд-пуля», как с гордостью называют японцы скоростной экспресс, незаметно полетел ещё быстрее, штурмуя один тоннель за другим.

Через два с половиной часа «Синкансен» мягко затормозил и остановился на первом пути железнодорожного вокзала города Ниигата. Арнольд быстро вышел, чуть прищурил глаза от яркого солнца и пошёл на платную парковку в секторе В. Оглядевшись по сторонам, он направился к тёмно-синей «тойоте», водитель которой, узнав американца, тут же выскочил из машины и открыл дверь для пассажира.

– Коннити-ва! Иррассай-масэ²⁰, – низко поклонившись, произнёс японец.

– Хай! – приветливо сказал Арнольд и сел на заднее сиденье. На этом разговор двух мужчин и ограничился. Водитель довольно быстро, за каких-то двадцать минут, доставил пассажира к пирсу яхт-клуба, где удерживаемый швартовными пофыркивал готовый к плаванию небольшой, но мощный спортивный катер. Приняв пассажира, катер просел кормой, как норювистый скакун, взревел и помчался в сторону небольшого острова Садогасима. Конечной точкой маршрута американца был частный отель в посёлке Аикава в горном районе острова.

Отель был небольшой, но хорошо оборудованный для полноценного отдыха и укомплектованный высокопрофессиональным штатом медицинских работников. От посторонних глаз территория скрывалась за высоким забором из старых каменных глыб. Неподалёку высилась, как разрезанный надвое апельсин, гора, где во времена сёгуната добывалось золото. Если бы Арнольд знал хоть немного историю этого острова, то был бы весьма удивлён. Дело в том, что в старину остров был местом ссылки и каторжных работ на золотом прииске. А сейчас это был остров для отдыха.

Перед входом в отель американца ждал руководитель охранного агентства финансовой группы «Мацуи» Сато Итиро.

– Сенсей! С благополучным приездом вас! – низко поклонившись, произнёс Сато.

¹⁹ Японская закуска или готовый обед (яп.), может включать рыбу, мясо, овощи, рис и сладости. Берётся в дорогу, школу или на работу.

²⁰ Добрый день! Добро пожаловать! (яп.)

Арнольд вошёл в здание и вместе с Сато прошёл в большой гостинный зал. При виде американца сидевшие в помещении четверо мужчин быстро, по-военному встали и поприветствовали гостя.

– Сенсей! – вновь произнёс Сато. – Две боевые группы находятся на релаксационном тренинге перед выходом на задание, все здоровы и готовы к решению поставленных задач.

Арнольд приветливо поздоровался с каждым. Ведь он их лично отбирал из числа сотрудников охранного агентства, укомплектованного в основном из числа бывших спецназовцев элитных подразделений различных армий мира.

Финансовая группа «Мацуи» могла позволить себе роскошь подыскивать военных профессионалов самого высокого уровня и лишённых каких-либо моральных принципов в любых уголках земного шара. Бойцы подбирались и готовились к выполнению любых задач, которые требовались для обеспечения интересов финансовой империи Тадаси Коно.

Эти две пары были снайперскими. Первый номер – снайпер, второй – корректировщик.

Поскольку работать предстояло на территории Северной Кореи, то подбирались специалисты из числа бывших южнокорейских военнослужащих и, как ни странно, из числа боевиков криминального мира, выходцев из многочисленной корейской диаспоры в Японии «Чхонрён»²¹.

Много пришлось поработать инструкторам и медикам, чтобы добиться слаженности пар с учётом психологических и личностных особенностей каждого бойца.

Снайперы (один кореец из токийской группировки, вхо-дившей в банду Хисаюки Матии, другой – американец корейского происхождения) были профи. Они в совершенстве владели приёмами маскировки и наблюдения, отлично знали тонкости меткой стрельбы, имели опыт боевой работы в разных странах.

Каждая пара была вооружена дальнобойной тяжёлой снайперской винтовкой «SOP» калибра 14,9 мм секретной разработки с достаточно высокой точностью стрельбы на дальность до 3 км. Только одна пуля весит 110 граммов, целый снаряд.

Вторыми номерами шли южнокорейские спецназовцы с опытом ведения разведывательной и диверсионной работы на территории КНДР.

– Присаживайтесь! – произнёс Арнольд Хундертвассер, известный присутствующим как Стив.

– С детальным планом операции вы все ознакомлены, и отдельные его элементы отработаны. Обращаюсь к вам в последний раз. Кто не готов к выполнению задания, может отказаться, но только именно сейчас. Потом будет уже поздно. Жду!

Присутствующие мужчины молчали, их лица выражали спокойную решимость выполнить поставленную, и не в первый раз, сложную задачу.

– Понял. Отказников нет. Итак, время полной готовности двадцать седьмого февраля, в двадцать два ноль ноль по местному времени. В месте высадки на восточном побережье Северной Кореи в шесть ноль ноль второго марта вас будет ожидать проводник. Информацию об объекте ликвидации, маршрутах выдвижения, времени и месте работы получите у него. Он же и уведёт вас с места акции и поможет добраться до китайской границы. Старшим до встречи с проводником назначен Кэгури²².

Хундертвассер посмотрел на корейца, в прошлом боевого пловца, который шёл вторым номером снайпера-американца. Бывший церэушник на мгновение задумался, затем продолжил:

²¹ Лига корейских граждан в Японии (яп.).

²² Лягушка (кор.).

– Кэгури даны все полномочия и право на принятие решения в критической ситуации. Вот ваши документы для перемещения по китайской территории: деньги в юанях и долларах, паспорта с въездной визой, – сказав это, Арнольд передал пакет Кэгури.

– Всё. Вопросы есть? Вижу, что нет. Удачи вам, – уже повеселевшим голосом произнёс американец, качнулся на ногах и посмотрел на руководителя охранного агентства, предлагая тому высказаться. Однако тот отрицательно покачал головой, давая понять, что и так достаточно много времени провёл с боевыми группами.

– Сато-сан, проводите меня! – Хундертвассер встал и пошёл к выходу.

Впереди предстоял обратный путь и кратковременный отдых в Токио перед убытием в Пхеньян. Уже сидя в комфортабельном вагоне высокоскоростного поезда «Синкансен», Арнольд на какую-то долю секунды вдруг почувствовал, что его гложет червь сомнения в отношении снайпера первой боевой группы. Как его там? Гюн?²³ Да, он лучший из всех и доказал это на практике. Но как кореец себя поведёт, когда узнает, кто объект ликвидации? Молод уж очень. Вот в чём вопрос. Крути, не крути, но он поддерживает родственные связи с корейцами из диаспоры Чхонрён, хотя формально порвал с ними отношения после присяги на верность своему боссу.

Этого парня нашёл сам Хундертвассер, воспользовавшись старыми контактами в токийской группировке бандитов «Тосей-кай», основу которой составляли корейцы, да и сам оябун²⁴ банды был кореец Чон Гонён, взявший себе японское имя и фамилию Хисаюки Матии. Арнольд, будучи молодым сотрудником ЦРУ, тесно сотрудничал с людьми Матии, которые провели в 1973 году операцию по похищению южнокорейского диссидента Ким Дэ Чжуна, ставшего впоследствии президентом Республики Корея.

Гюну грозила смертная казнь за наглое и циничное убийство директора строительного департамента токийского муниципалитета. Но Арнольда привлёк не сам факт убийства, а техника исполнения: почти сутки ожидания на линии огня и единственный выстрел с дистанции более километра. Пуля вошла прямо в висок директора, который только на мгновение пристал из-за стола во время совещания, чтобы опустить жалюзи.

Такого специалиста заполучить было не просто, но финансовая поддержка Коно решила все вопросы. Банкир фактически выкупил жизнь стрелку. Потом, уже будучи в охранном агентстве «Мацуи», кореец не раз подтверждал свой высочайший профессионализм стрелка, выполняя для финансовой империи деликатные задания в различных точках земного шара, при этом всячески подчёркивая свою преданность лично Коно Тадаси.

Но эта вспышка сомнений была мгновенной, и, вспомнив Гюна и его заслуги, Арнольд успокоился и даже успел слегка вздремнуть до прибытия в столицу Японии.

²³ Бамбук (кор.).

²⁴ Главарь, старший, босс (яп.).

Глава седьмая (Москва, Орехово-Борисово, 22 февраля, 9:21)

Уже, наверное, целую вечность Артём упрямо карабкался вверх по отвесному склону уходящей в густой туман горы. Из-под ногтей сочилась кровь, капли которой, попадая на глаза, затрудняли зрение.

Силы были на исходе, и всё больше нарастало желание разжать пальцы и упасть в бездонный мрак ущелья. Но нет, ведь там, впереди, что-то или кто-то явно его ждёт, и он должен, просто обязан добраться до цели.

Подтянувшись, Артём перекатился на узкий карниз и устало замер. Он понял, что добрался до нужного места. Медленно приподнял голову. В нескольких шагах от него на припорошённом снегом карнизе стояла простоволосая, в белом платье босая женщина и, ласково улыбаясь, смотрела на Артёма.

– Мама, мама! Это ты? Откуда ты здесь? Ведь тебе холодно в одном платье? – вопросительно пробормотал удивлённый Артём, но почему-то голоса своего не услышал. Женщина заботливо посмотрела на него, отвернулась и, легко ступая, пошла прочь. Вдруг вверху загрохотало, между ним и женщиной полетели огромные валуны.

– Мааа... ма... – стонал Артём, – не уходи... – как вдруг проснулся. В дверь кто-то настойчиво звонил. Вытерев со лба пот, полковник сел на край дивана. Прошло минуты две-три, пока он пришёл в себя. О Боже! Ведь прошло более сорока лет, как мама умерла, а снится она по ночам частенько. Но почему в таком странном одеянии и босая?

«Всё, возвращаемся на нашу грешную землю. Кто там с утра в воскресенье названивает? Светлана? Вряд ли. Она, похоже, только рада нашему расставанию. Володька-сосед? Так он с пятницы на даче», – перебирал мысленно варианты Королёв.

Накинув халат, Артём подошёл к двери и распахнул её. На лестничной площадке стоял Кондратьев.

– Не понял? Какими ветрами в выходной день тебя занесло в наши края, командир? – удивлённо и чуть смущённо спросил полковник, завязывая пояс халата.

– Хм. Тебе завтрак принёс, ведь холостякуешь, поди, сейчас! – с улыбкой посмотрел генерал на широкоплечего, не потерявшего ещё спортивной формы друга. – А холодильник, небось, пустой? Так что давай ставь чайник, будем принимать пищу, – весело сказал Кондратьев и напрямик прошёл на кухню. На стол поставил пакет с продуктами и сел на стул, не раздеваясь. Но, вспомнив, что одет, генерал вернулся в прихожую и разделся.

– Ну, и бардак у тебя, Тёма. Смотри, закиснешь совсем, – слегка озабоченно произнёс Кондратьев, возвратившись на кухню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.